

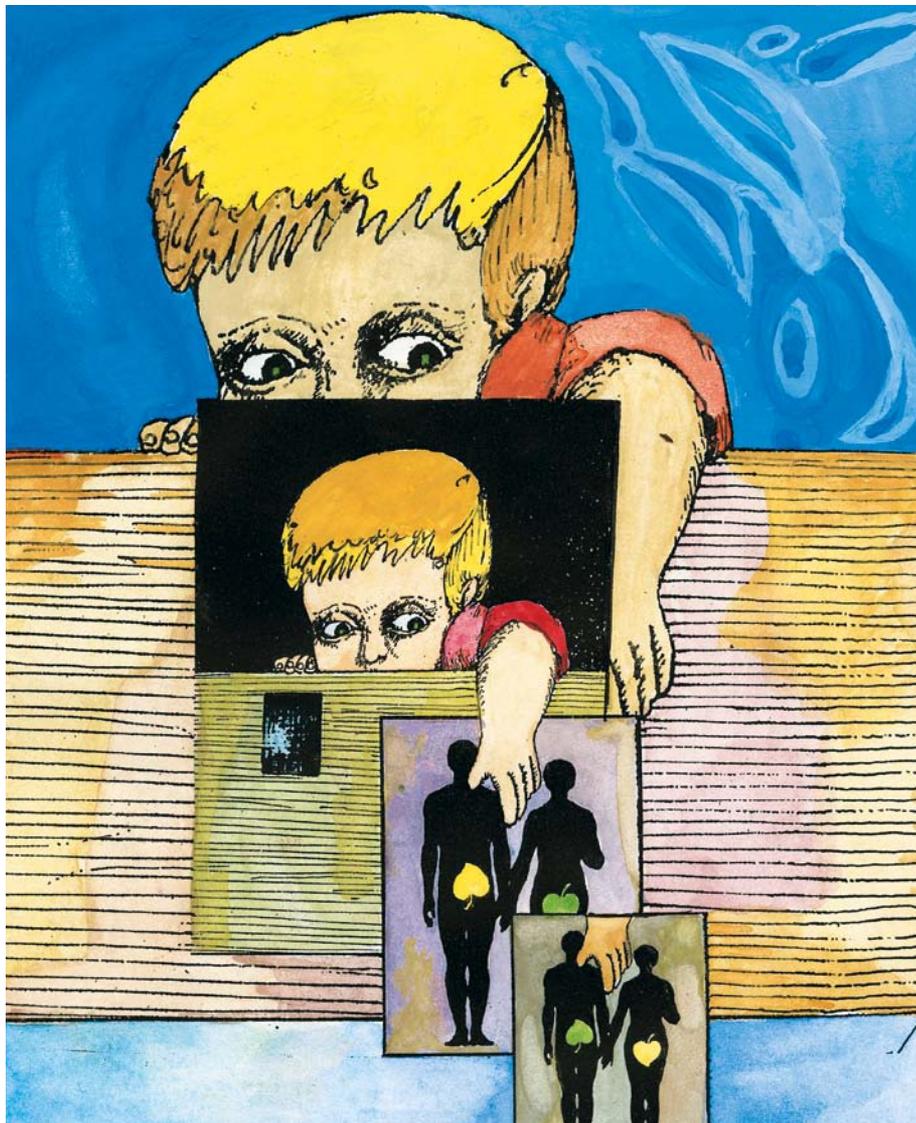
ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№1 ЯНВАРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

2011

© издание эффицировано

И.И. Левитан, «Осенний день. Сокольники», 1879 г.

Эту картину Левитан написал, когда ему было 19 лет! Увидев «Осенний день. Сокольники», Павел Третьяков сразу же приобрел ее для своей галереи. Интересный факт – фигура женщины на полотне написана Николаем Чеховым...

Читайте на стр. 33

	<i>НАМ ПИШУТ</i>	3
<i>МИНУВШЕЕ</i>	Сподвижник просвещения Светлана Бестужева-Лада	4
	<i>ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ</i> Резина А. Аверченко	14
<i>РАССКАЗ</i>	Тысяча безумных причин Хэл Дреснер	20
	<i>КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ</i> Анастасия Степеньчикова	27
	Илья Боровский	67
<i>ЛОГУНОВА ШУТИТ</i>	Пиар для Деда Мороза Елена Логунова	28
<i>ИСТОРИЯ ШЕДЕВРА</i>	Скандалная любовь Ирина Опимах	33
<i>А МОЖЕТ, ЭТО ИНТЕРЕСНО?</i>	Не порок совсем... Денис Логинов	42
	<i>РАССКАЗ</i> Зеркало Екатерина Пименова	46
<i>ТАК БЫЛО</i>	С сердцем и честью Татьяна Харламова	56
<i>ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ</i>	Дело житейское Евгения Гордиенко	62
<i>ДЕТЕКТИВ</i>	Презентация убийства Людмила Кушпель	68
	<i>КРОССВОРД, ЭРУДИТ</i>	108

Главный редактор

Михаил Григорьевич Кизилев

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДЕЛ:

Редактор

Тамара Васильевна Чичина

Литсотрудник

Светлана Михайловна Подорванова

Выпускающий редактор

Светлана Викторовна Гуркина

Дизайнер

Валерий Иванович Харламов

Корректор

Юлия Борисовна Воронова

Обложка и иллюстрации

Лев Рябинин

ООО «ЖУРНАЛ «СМЕНА»

Генеральный директор

Дмитрий Юрьевич Мережко

Главный бухгалтер

Любовь Александровна Бижко

Директор по распространению

Мария Александровна Яркина, e-mail: sales@smena-online.ru

Менеджер по партнерским программам

Кристина Александровна Бурякова, e-mail: k.buryakova@smena-online.ru

Офис-менеджер

Людмила Николаевна Калинина

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом журнала
«Смена».

Адрес редакции и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д. 14
e-mail: jurnal@smena-online.ru
тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»
Исключительные права на тек-
стовые и фотоматериалы, пу-
бликуемые в журнале «Смена»,
принадлежат ООО «Журнал
«Смена» и охраняются в соот-
ветствии с законодательством
РФ и международными согла-
шениями.

Шрифт: ParaType

Макет:
Екатерина Балеевская

Отпечатано ОАО ордена Трудового
Красного Знамени
«Чеховский полиграфический
комбинат»:
142300 МО г. Чехов,
ул. Полиграфистов д.1
Тираж – 14 000 экз.
Зак. № 371
Цена свободная
Номер подписан в печать:
14.12.2010

Уважаемая редакция!

Хочу поздравить коллектив любимой «Смены» с наступающим Новым годом и пожелать всем больших творческих успехов!

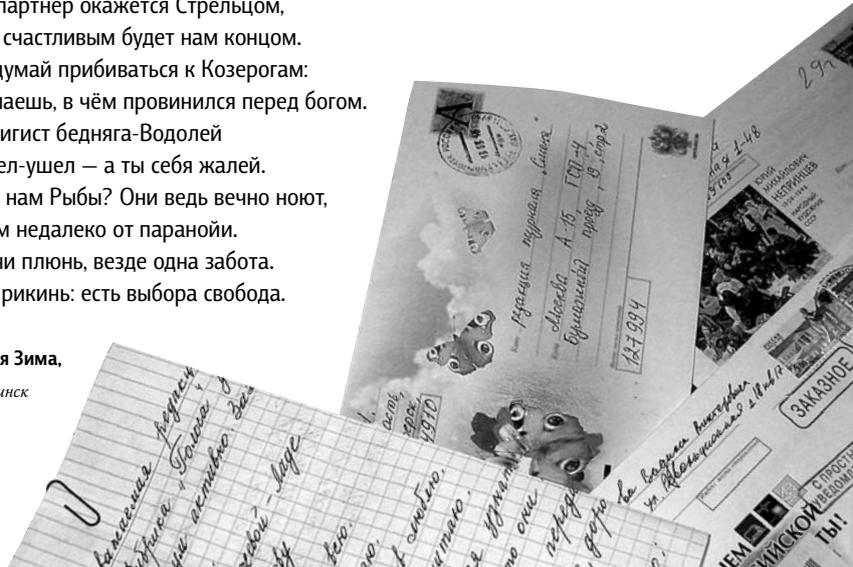
В канун новогодних праздников многие с увлечением читают гороскопы. Вот и я решила послать вам небольшую шутку на эту тему. Надеюсь, что она хотя бы чуть-чуть поднимет настроение читателям.

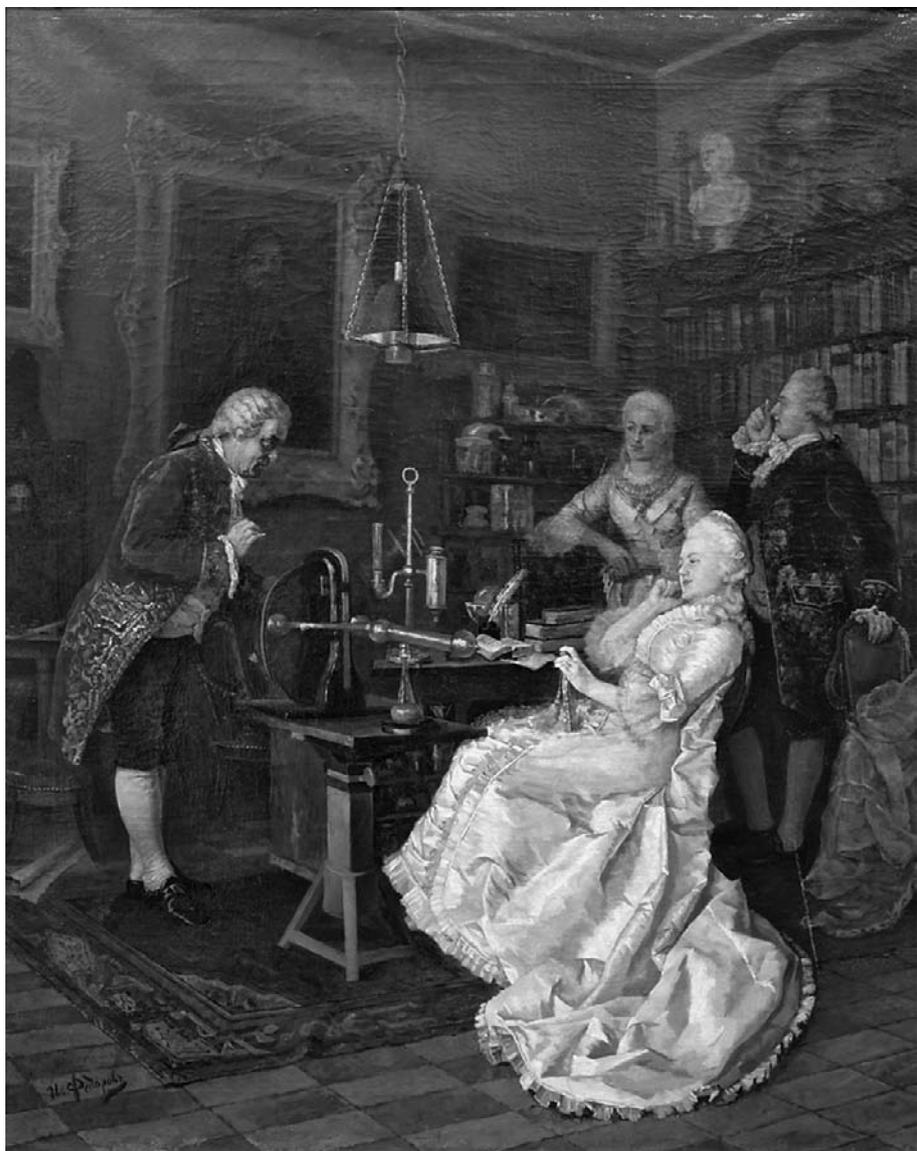
Улыбайтесь, дорогие друзья! Здоровья вам и хорошего настроения!

Когда мы вяжем нашу жизнь с Овном,
 Вся жизнь — увы! — становится лишь сном.
 Когда с Тельцами станем мы близки,
 Беречь получше нужно кошельки.
 И к Близнецам особо не беги —
 Они отлично пудрят всем мозги.
 Плюнь на себя, судьбина станет мраком,
 Коль свяжешься ты с лупоглазым Раком.
 Предупреждали мать с отцом не зря:
 Лев — это царь, хотя и без царя.
 Хоть вызывает рук и ног дрожанье,
 Ах, эта Дева! Вечное брюзжанье.
 Как можно обозначить тут Весы?
 Ну, бабники, да смотрят на часы...
 А Скорпионы, что ни говори,
 Прямолинейны, примитивны и скупы.
 Коли партнер окажется Стрельцом,
 Петля счастливым будет нам концом.
 Не вздумай прибиваться к Козерогам:
 Подумаешь, в чём провинился перед богом.
 А пофигист бедняга-Водолей
 Пришел-ушел — а ты себя жалеи.
 Зачем нам Рыбы? Они ведь вечно ноют,
 Совсем недалеко от паранойи.
 Куда ни плюнь, везде одна забота.
 Зато прикинь: есть выбора свобода.

Наталья Зима,

г. Челябинск

И. К. Федоров. «Императрица Екатерина II у М.В. Ломоносова», 1884 г.

СПОДВИЖНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ

(К 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова)

Светлана Бестужева-Лада

Именно так назвал Михаила Васильевича Ломоносова Александр Сергеевич Пушкин, всю жизнь бывший его большим почитателем. «Уважаю в Ломоносове великого человека, но, конечно, не великого поэта, — писал он. — Между Петром I и Екатериною II он один является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет; он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом».

Трудно не согласиться с этим определением, хотя и поэтом для своего времени Ломоносов был неординарным. Но его личность сама по себе настолько велика и значительна, что званием поэта он мог спокойно пренебречь, у него было предостаточно других заслуг перед Россией.

И совершенно необычная по тем временам судьба, многое в которой даже сегодня, спустя 300 лет, остаётся неразрешимой загадкой. Начиная с рождения...

Многие исследователи биографии Ломоносова очень любят версию о том, что поморец Михаил на самом деле... внебрачный сын Петра Великого. Царь действительно бывал в Архангельске, да не просто бывал — работал на корабельной верфи, как простой плотник.

Версия, конечно, романтическая, но в ней не совпадают даты. Пётр в Архангельске был трижды: в 1693-м, 1694-м и 1702-м годах, а год рождения Михаила Ломоносова — 1711-й — встретил в Петербурге.

Родители Ломоносова обвенчались в конце 1710 года, а в ноябре 1711-го родился Михаил.

Поскольку у нас почему-то очень любили подчёркивать захудалость происхождения Ломоносова, то представляли его «сыном бедного рыбака из нищей деревни». И это тоже легенда. Ломоносов-отец вовсе не был бедняком: ему принадлежал солидный земельный надел, и «промысел он имел на море, по мурманскому берегу и в других приморских местах для лова рыбы трески и полтосины на своих судах, из коих в одно время имел немалой величины галиот и прозвал его «Чайкою»; ходил на нём по сей реке, Белому морю и по Северному океану для рыбных промыслов и по найму возил разные запасы казённые и частных людей города Архангельска в Пустозерск, Соловецкий монастырь, Колу, Кильдин, по берегам Лапландии, Семойди и на реку Мезень».

Какой же это крестьянин или даже простой рыбак? Это уже зажиточный купец, почти промышленник. Потому и выдали за него замуж дочь дьякона Елену Сивкову. Елена умерла, когда Михаилу было девять лет. Василий после этого ещё дважды женился, но наследников больше не имел, кроме одной дочери.

Тем не менее относился он к единственному сыну сурово, часто бил его — и Михаил, скорее всего, особой нежности за это к отцу не испытывал.

Как только мальчику исполнилось десять лет, отец стал его брать с собою на рыбную ловлю в Белое море и Северный океан. Парень рос здоровым и сильным. Трудиться в Поморье начинали рано, а заканчивали, как правило, только со смертью. Вот и Михаил быстро приобрёл навыки отличного рыбака и морехода. Но...

Но зимы на Севере долгие, а у юного Ломоносова годам к двенадцати прорезалась неудержимая тяга к знаниям. Толчком к этому послужили обнаруженные им в доме односельчанина две недуховные книги: «Грамматика» Смотрицкого и «Арифметика» Магницкого. Грамматика с арифметикой просто перевернули его жизнь и оказали огромное влияние на дальнейшие планы. Только не так-то просто было их осуществить. С присноизвестным обозом в Москву отправился отнюдь не румяный отрок, а девятнадцатилетний здоровенный мальчик, у которого уже всюду пробивались усы и борода и которого отец собирался женить.

В Белокаменной Ломоносов появился в 1730 году, когда не только Пётр Великий, но и его супруга Екатерина скончались. Поступил учеником в школу при Заиконоспасском монастыре со «стипендией» три копейки (как тогда говорили, алтын) в день.

Копейка — на хлеб с квасом, две копейки — на всё остальное. Проще говоря, лютая бедность. Да и отец слал письмо за письмом с просьбой возвратиться, стать наследником «кровоавым потом нажитого» состояния, жениться на девице из достойной семьи (а таких семей, мечтавших породниться с Ломоносовыми, было много). Кроме того, пришёл он в низший класс школы почти двадцатилетним — вот смеху-то было среди его одноклассников. «Смотрите-де, какой болван здоровенный пришёл латыни учиться!» — вспоминал об этом тяжёлом для него времени Ломоносов.

Но подобные мелкие неприятности не остановили тягу к знаниям. Михаил сутками сидел над книгами — и по прошествии первого же года был переведён через второй класс в третий. А по прошествии следующих двух лет не только свободно читал по-латыни, но даже сочинял небольшие стихотворения на языке древних римлян. И на этом не успокоился. «Заиконоспасская библиотека не могла насытить жадности его к наукам...» — писал один из первых биографов Ломоносова.

Позднее многие исследователи изумлялись тому, что крестьянский сын был принят в Заиконоспасскую школу, ведь указ Святейшего синода строжайше запрещал принимать туда крестьянских детей. Дело в том, что Ломоносов назвался сыном священника, а проверять происхождение «абитуриен-

тов» тогда ещё не вошло в обычай, тем более что грамотных крестьянских детей практически не было.

И тут произошло ещё одно чудо, на которые так богата жизнь Ломоносова. Президентом Академии наук, открытой в декабре 1725 года Екатериной I, через полгода после смерти Петра, был назначен барон Корф, ни слова не знавший по-русски, который хорошо понимал важность просвещения для России и обратился к Сенату с просьбой:

«Не соблаговолено ли будет приказать, чтобы из монастырей, гимназий и школ в здешнем государстве двадцать человек чрез означенных к тому от Академии людей выбрать, которые столько научились, чтоб с нынешнего времени у профессоров сея Академии слушать и в вышних науках с пользою происходить могли».

Сенат дал своё согласие и указал при этом на Заиконоспасский монастырь. Там выбрали дюжину «остроумия не последнего» учеников и препроводили их в Петербург. В их числе оказался и Ломоносов, которого сам архиепископ Феофан Прокопович прочил в священники. Но судьба распорядилась иначе.

Ещё в 1735 году тот же барон Корф тщетно искал иностранцев — астронома и химика, сведущих к тому же и в горном деле, чтобы послать их исследовать Сибирь, чрезвычайно занимавшую воображение президента Академии наук. Таковых не обнаружилось. Тогда Корф решил пойти путём великого Петра: выучить собственных специалистов за границей.

Сенат удовлетворил просьбу барона и выделил 1200 рублей на годичное содержание и обучение трёх молодых людей. Ими оказались Виноградов, Ломоносов и Райзер. В сентябре 1736 года они отправились в Германию.

Там Ломоносов пробыл пять лет: около трёх лет в Марбурге, обучаясь у знаменитого профессора Вольфа, и около года во Фрейберге, у горного советника Генкеля.

В Россию он вернулся в 1741 году. Время для возвращения на родину оказалось не самым удачным: только что скончалась императрица Анна Иоанновна, и наследником престола был «назначен» (другого слова не подберёшь) грудной младенец, сын Анны Леопольдовны, племянницы покойной императрицы. Малообразованная, ленивая, занятая только своим любовником Морисом Линаром, «правительница», скорее всего,

даже не подозревала о существовании Академии наук.

Но о самом Ломоносове знала — ко дню рождения малолетнего императора Иоанна VI Антоновича Ломоносов прислал в Петербург оду, которая была напечатана в тогдашних «Примечаниях к «Петербургским ведомостям». А вскоре, после победы русских войск над шведскими, напечатал в тех же «Примечаниях» хвалебное стихотворение под заглавием «Первые трофеи Его Величества Иоанна VI».

Холодные, напыщенные, неуклюжие и тяжеловесные, с точки зрения современного читателя, эти вымученные произведения достигли своей цели: двор обратил на молодого учёного и поэта благосклонное внимание. Пришлось и новому главе Академии, Даниилу Шумахеру, чьей единственной заслугой была женитьба на дочери царского повара, прислушаться к мнению двора. Иначе неизвестно, как сложилась бы дальнейшая судьба Ломоносова-учёного.

Младенец-император «правил» считанные месяцы: в конце ноября 1741 года на престол в результате военного переворота взшла «дщерь Петрова» — Елизавета. Сама едва-едва одолевшая грамоту, она свято блюла заветы отца о покровительстве наукам, и уже в январе следующего года секретарь канцелярии Академии получил следующее высочайшее постановление:

«Понеже студент Михаиле Ломоносов, specimen своей науки ещё в июле месяце прошлого 1741 году в конференцию подал, который от всех профессоров оной конференции так апробован, что сей specimen и в печать произвести можно; к тому же оный Ломоносов в переводах с немецкого и латинского на российский язык довольно трудился, а жалованья

Г. Х. Гроот. Портрет императрицы
Елизаветы Петровны, 1744 г.

Неизвестный

художник.

Портрет

М.В. Ломоносова,

вторая половина

XVIII в.

и места поныне ему не определено; то до дальнего указа из правительствующего Сената и нарочного Академии определения быть ему, Ломоносову, адъюнктом физического класса. А жалованья определяется ему с 1742 года января с 1 числа по 360 рублей на год, счисляя в то число квартиру, дрова и свечи...»

Должность Ломоносов получил, но денег у Академии не было, и за два последующих года новоиспечённый «адъюнкт физического класса» имел едва ли десятую часть того, что ему причиталось.

Вступив в должность адъюнкта, он почти тотчас же предложил устроить химическую лабораторию, которой до сих пор ещё не было при Академии наук. Но к реализации этого предложения приступили лишь семь лет спустя: торопиться на Руси никогда не любили, особенно если не видели в этом прямой и немедленной выгоды.

После начавшегося, наконец, строительства химической лаборатории Ломоносов, воспользовавшись очередным тор-

жественным собранием Академии наук, произнёс своё знаменитое «Слово похвальное императрице Елизавете Петровне». Сама императрица в этом славословии мало что поняла, лишь милостиво головой кивала, но её новый молодой фаворит Иван Шувалов, человек образованный и тяготеющий к наукам, стал откровенно покровительствовать Ломоносову. А что нравилось «Ванечке», тем немедленно начинала восхищаться Елизавета, всячески потакавшая своему любимцу.

Например, годами тянувшийся вопрос об открытии Московского университета был решён в десять минут, едва лишь фаворит после очередной беседы с Ломоносовым обратился к императрице. Она не только повелела создать университет по проекту учёного, но и отпустила на это значительную сумму, а открытие столь важного для России учебного заведения приурочила ко дню именин матери «Ванечки». Татьянин день — это ведь оттуда, это в память последней любви стареющей Елизаветы.

И устройство химической лаборатории стараниями того же Шувалова сдвинулось с мёртвой точки. Впрочем, кое-что для этого сделал и сам Ломоносов. В 1748 году написал «Оду на день восшествия на престол Её Величества государыни императрицы Елизаветы Петровны». Ода так понравилась государыне, что та пожаловала Ломоносову «две тысячи рублёв в награждение».

1748 год вообще был особенно удачным для Ломоносова в литературном плане. Наконец издали его «Краткое руководство к красноречию, книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии, сочинённая в пользу любящих словесные науки».

Сколько бы ни обвиняли недоброжелатели Ломоносова в том, что большая часть его «Риторики» заимствована у древних римлян и современных немецких учёных, этот труд, несомненно, внёс огромный вклад в развитие российской словесности. «Риторика» была написана таким великолепным и внятным языком, что даже полвека спустя потомки читали и восхищались ею.

Следует отметить, что с 1749 года в деятельности Ломоносова начались заметные изменения. Не оставляя занятий

естественными науками, продолжая создавать научные и литературные произведения, он постепенно приступил к практическим делам, то есть стал воплощать в жизнь новейшие научные достижения — не только свои, но и других учёных того времени. Например, приступил к опытам, «до крашения стёкол надлежащим», и с тех пор работы по изысканию новых, более совершенных способов приготовления красок для стёкол велись непрерывно. А результаты воплощались впоследствии в великолепных мозаиках.

Успешным было и изобретение Ломоносовым новых физических инструментов, и производство многочисленных физических и химических опытов, а также обучение студентов и борьба с недоброжелателями «от науки». Сам Ломоносов явно тяготел именно к физике и химии, но это не мешало ему писать и публиковать весьма смелые по тем временам научные трактаты: «Слово о происхождении света» (1756), «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих» (1753), «Русскую грамматику» (1755) и так далее.

Объективности ради следует сказать, что заслуги Ломоносова были в какой-то мере оценены Елизаветой, пожаловавшей его в коллежские советники и подарившей дворянство. Это заткнуло рты многим недоброжелателям: императрица, как и её великий отец, почитала людей по уму, а не по древности рода, а спорить с самодержицей, идти наперекор её воле охотников не находилось. Но по-настоящему идеи и начинания Ломоносова как естествоиспытателя при его жизни были оценены лишь очень немногими учёными, такими, например, как известный математик Эйлер.

В январе 1762 года скончалась императрица Елизавета, и на престол взошёл её племянник — Пётр III. Правил император Пётр всего 186 дней и даже не успел короноваться. Военный переворот сделал императрицей его супругу — в будущем Екатерину Великую. Перемены в государстве Российском были столь велики и значительны, что о памятниках, мозаике и науках вообще временно забыли.

Ломоносов напомнил о себе традиционной одой, в которой сравнивал новую императрицу с Елизаветой, выражал надежду, что Екатерина II «златой наукам век восставит и от презрения избавит возлюбленный российский род»,

и приветствовал начинания Екатерины в пользу русского просвещения и воспитания. В данном случае он не ошибся: новая императрица впервые после смерти Петра Великого занялась государственными делами во имя и во благо России, могла бы поддержать многие начинания Ломоносова и собиралась это сделать. Но судьба распорядилась иначе.

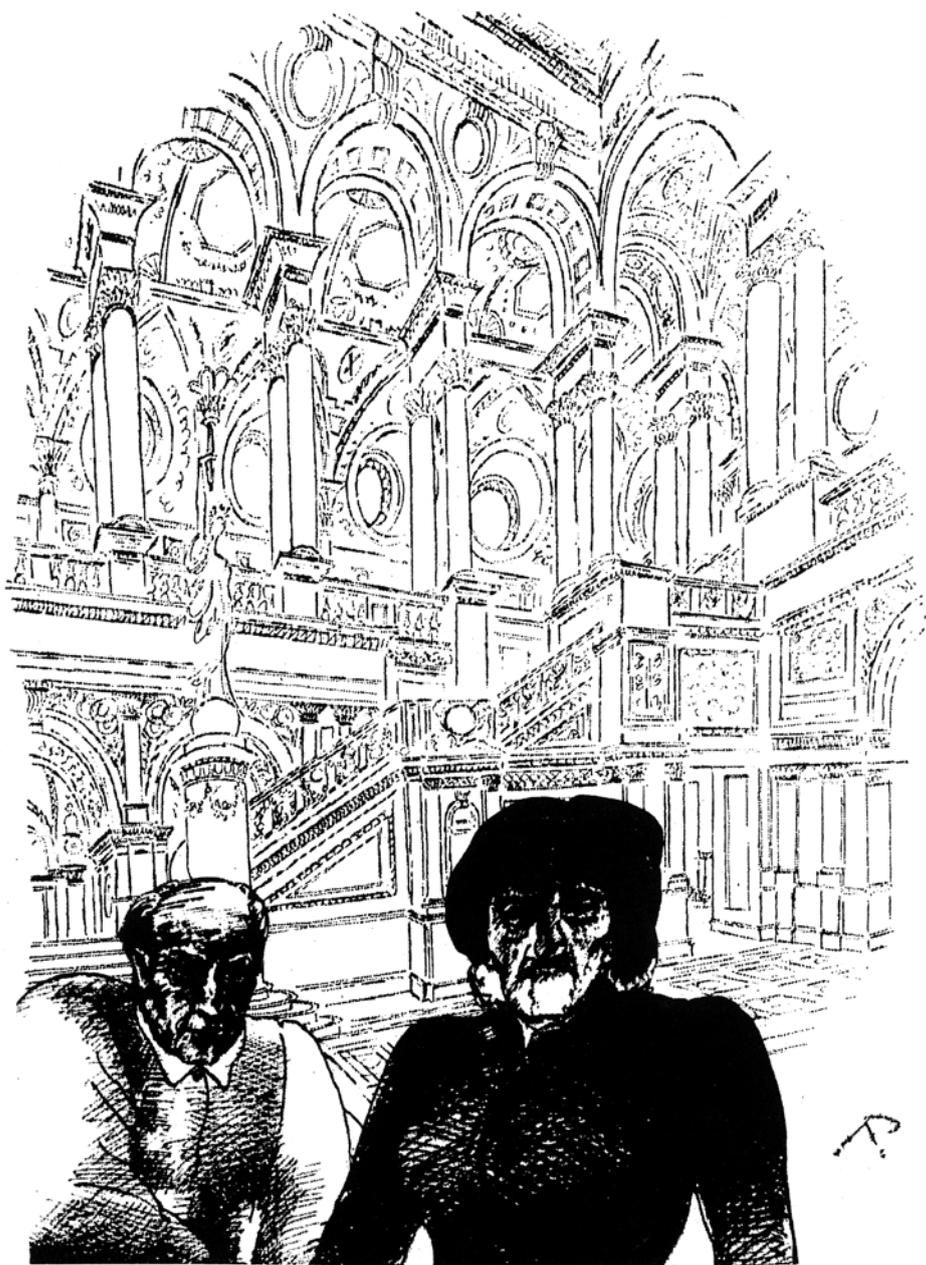
С 1763 года Михаил Васильевич стал прихварывать и всё реже выходил из дома. В июне 1764 года императрица, узнав о болезни Ломоносова, без предварительного оповещения и без доклада отправилась к нему домой в сопровождении княгини Дашковой и некоторых придворных. Ломоносов, не ожидавший гостей, сидел в своём кабинете.

Екатерина сразу увидела, что силы великого человека иссякают, и постаралась подбодрить его: обещала всяческое содействие, приглашала «запросто» приезжать во дворец и обращаться со всеми просьбами непосредственно к ней. Ломоносов отблагодарил государыню за её визит восторженными стихами, но для всего остального было уже слишком поздно.

Даже полученное известие о том, что он избран почётным членом Стокгольмской и Болонской академий наук, не смогло возродить в учёном ни сил, ни интереса к жизни. В апреле 1765 года, на второй день Пасхи, около пяти часов полудни Ломоносова не стало.

Его похороны прошли с большою торжественностью, при огромном стечении народа, сенаторов и вельмож. Михаил Васильевич был погребён на кладбище Александро-Невского монастыря. А через год на могиле был поставлен памятник из каррарского мрамора с надписью на русском и латинском языках.

«Въ память славному мужу Михаилу Ломоносову, родившемуся въ Колмогорахъ въ 1711 году, бывшему статскому советнику, Съ.-Петербургской Академіи наукъ профессору, Стокгольмской и Болонской члену, разумом и науками превосходному, знатнымъ украшениемъ отечеству послужившему, красноречія стихотворства и гистории россійской учителю, первому въ Россіи безъ руководства изобретателю, преждевременною смертію отъ музъ и отечества на дняхъ Святыя Пасхи 1765 году похищенному». ☞

Аркадий Аверченко

Резина

Очень нравоучительная история

У

Максима Сорокапудова была своя бакалейная лавка.

Если бы Максим читал газеты, он знал бы, что все газетные писаки обломали себе зубы, называя Максима и ему подобных мародёрами тыла, союзниками немцев, городскими шакалами и тому подобными ужасными эпитетами.

Но Максим Сорокапудов газет не читал, поэтому жизнь его текла легко и спокойно.

Часто, укладываясь по вечерам в широкую супружескую постель, Максим спрашивал у жены с хитрой улыбочкой, как воробушек, порхавший по всему его скуластому медно-красному лицу:

— А как ты думаешь, Кондратьевна, выдержит он ещё четвертак на полтавской с чесноком?

— С чесноком? — сосредоточенно переспрашивала Кондратьевна, почёсывая белую ногу.

— Да.

— Полтавская?

— Полтавская.

— Ну, да. Хи-хи-хи....

— По-моему, выдержит. Ништо. Дурных денег теперь — солдат с ружьём завалится.

— То-то и я думаю. Нешто попробовать?

— Попробуй!

— Так что, думаешь, выдержит?

— Не лопнет.

— Хе-хе. Сколько у нас в Азиатском лежит?

— Сто двадцать восемь с полтыщей.

— Эх, до трёхсот бы. Да и пошабашить.

Утром, кряхтя, подымался с широкой честной супружеской кровати Максим и, поцеловав Кондратьевну в тугое плечо, шёл в лавку.

— Митька! Почём у нас там была помечена полтавская колбаса с чесноком?

— По два пятнадцать.

— Ставь по два двадцать пять.

— Так уж по два с половиной ставить для ровного счёта, — подмигивает продувной, самого жуликоватого вида Митька.

— Ну, уж ты тоже скажешь! Нешто он может этакое выдержать? Шкандалу чтоб не было.

Долго и хрипло смеётся распутный гнилой Митька.

— Он, да не выдержит? Да я ему захочу — сто рублей фунт поставлю. На пороге он у меня от страха издохнет, а голосу не подаст.

— Гм... да. Ну, ставь два с половиной.

И — о, чудо! «Он», в просторечии — покупатель, выдерживал.

Заходит в магазин, робкий, печальный, в поношенных башмаках, с обвисшими от плохих дел усами, и тихо спрашивает:

— Полтавская колбаса есть?

— Так точно. Сколько прикажете? Два-три фунта?

— Нет, мне полфунтика.

— Пожалуйста. Рубль с четвертаком с вас.

— Но позвольте... Она, колбаса эта, только вчера стояла по два пятнадцать.

— Да-с, дорого. Это вы верно. Тонко подмечено: дорогая. Мы что же? Мы ни при чём. Нам повышают, и мы повышаем...

— Дорого, — лепечет бледными, склеившимися от долгого молчания устами покупатель.

— Да-с, дорого. Это вы верно, точно подмечено: дорого.

— Ну... дайте...

Брал и уходил. Этот бледный, в поношенных башмаках покупатель напоминал кусок доброй резины в опытных руках: если её тянуть не сразу, не вдруг, а растягивать постепенно, она могла растягиваться до бесконечности.

Только тоньше становилась, прозрачнее. А растягиваться могла сколько угодно. Пожалуйста. Хоть ещё вдвое, хоть ещё втрое, вчетверо...

— А что, — спрашивает перед отходом ко сну Максим, касаясь волосатой рукой тугой богатой груди Кондратьевны. — А что, может он двухрублёвый сыр выдержать?

— Голандцкий? Не перехватил ли ты? Ведь до войны ему вся цена сорок пять копеек была, да и вчера по рублю семь гривен торговал.

— А по-моему, за два целковых укупить он сможет. Без сыру к чаю никак ему невозможно. Платит же он за свечу по восьми гривен.

— Платит-то он платит. А только с сыром... страшно чавой-то...

— Лопнет, думаешь? Станет он из-за какой-то ерунды лопаться! Ну, растянется ещё немножко... А уж никак не лопнет... Ну, Кондратьевна, что ж, а?

— Что? Потянуть ещё? — упёрши круглые руки в тугие бёдра, задумывается Кондратьевна.

— Гм! Так уж, если сыр подымать, почему же тогда сардины не побеспокоить? Чтобы уж рядом шло. Почём они у нас?

— Рупь восемь гривен полкоробки...

— Ну, вот. Вытягивай до двух! Сколько теперь в «Азиатском»?

— Сто шестьдесят две. До трёхсот — сто тридцать восемь...

На другое утро Максим командовал:

— Митька! Тяни сыр и сардины до двух.

— Есть!

Тянули.

Покупатель всё вздрагивался, утоньшался, бледнел, а кубышка в «Азиатском» банке сообразно пухла и наливалась густой красной кровью.

— Сколько? — спросил однажды вечером Максим, глядя жену по тугой круглой спине.

— Двести пятьдесят восемь с полтыщей.

— Отлично! Здорово! До трёхсот рукой подать.

— А там что же? — воркующе говорила Кондратьевна, прижимаясь тугой щекой к жёсткой бороде коммерсанта Максима.

— А там? Там, брат, шабаш. Отдых в своё полное удовольствие: домик на тихой улице купим. Пару лошадей заведём... Этакие сани завинтим, и голубая сетка чтоб была. Кучер — во, шире тебя, бородище у него — во, шире моей, и чтоб диким голосом рычал на которых прохожих. До чего славно это! Летом своя дача в Крыму будет. Ребёнкам нашим французенку выдвинем, для кухни — повара, который по дутым пирогам ходок, пристроим. До чего приятно! Сардины по четыре сорок выдержат?

— Они-то? Выдержат! Вытянется! Прямо жвачка он резиновая, а не человек.

И смеялись, довольные, как сытые гиены.

Сладкий, вожденный день!

Торговля прикрыта, лавка передана, и в «Азиатском» банке кубышка уже не вмещает больше — триста тысяч, и каждая тысяча — отдельно, и все триста — вместе — всё это неотъемлемое Максимова, Сорокапудово.

— Мошка! — сказал Максим бойкому расторопному комиссионеру. — Теперь действуй! Перво-наперво спроворь мне смету: домик, лошади, дачка, французенка и повар. Понял?

— Смешно, если бы я не понял, — самонадеянно сказал Мошка. — Завтра получите всё.

— А, это ты, Мошка? Ну, здравствуй. Всё оборудовал?

— Смешно, если бы не оборудовал! Извольте смету.

Улыбающийся Максим взял бумажку и взглянул на неё...

Раздался сдавленный крик и стук от падения тяжёлого тела.

В ужасе бросилась Кондратьевна к неподвижному праху любимого мужа.

И когда высвободила из окоченевших пальцев «смету», составленную Мошкой «на основании рыночных цен», в ней можно было прочесть:

«Лошади — пара с санями и экипажем — 3 000 000 руб.
Домик на тихой улице...» и так далее.

Очевидно, дальше первой строки бедный Максим не пошёл.

И вот — погиб человек.

Почему погиб?

Да очень просто. Пока он не зевая и растягивал резину
«до отказа», другие тоже не зевали и растягивали свою рези-
ну «до отказа».

Кто работал с сардиной и полтавской колбасой, а кто за-
нимался лошадьми...

Все тянули...

Много на свете дураков, а превыше всего — в России. ☐

«Новый Сатирикон», 1917 г.

Публикация Рафаэля Соколовского.

Хэл Дреснер

Тысяча безумных причин

Аккуратно прикрыв за собой дверь четвёртого полицейского участка, невысокая полная брюнетка поправила маленькую чёрную шляпку и, подойдя к столу дежурного сержанта Белью, корпевшего над очередной докладной, неподвижно застыла перед ним. Дождавшись, когда сержант, наконец, соблаговолит обратить на неё внимание, она громко и отчётливо сказала:

— Меня зовут миссис Франсин Тёрнер. Я проживаю по адресу 6310, Ист-Ховард-Стрит, Стэйтен-Айленд. Мой муж меня убивает.

— А меня — моя жена, — самым что ни на есть доброжелательным тоном отозвался сержант. — Насколько я понимаю, вы хотите подать жалобу, миссис... э...

— Тёрнер. Миссис Франсин Тёрнер. Я проживаю по адресу 6310, Ист-Ховард-Стрит, Стэйтен-Айленд... Почему вы не записываете?

— Я ничего не могу записывать, мэм, пока вы не изложите свою жалобу в устной форме. Начальство не любит, когда мы по-

напрасну расходуем бланки. Стало быть, вы утверждаете, что ваш муж пытался вас убить?

— Нет. Я сказала, что он меня убивает. Прямо сейчас. В эту самую минуту, пока мы с вами разговариваем. Неужели непонятно?

— Нет, мэм, — честно признался Белью. — При всём моем желании — непонятно. Вы хотите сказать, что ваш муж покушался на вашу жизнь. Так?

— Нет и ещё раз нет, — отрицательно мотнула головой миссис Тёрнер, нервно стискивая сумочку тонкими пальцами. — Пока что он ничего не сделал, но... он постоянно твердит, что собирается меня убить. В течение трёх последних недель повторяет это по сто раз на дню, словно заевшая пластинка. Причём при каждом удобном случае — мне в лицо, по телефону, дома, в машине... В пятницу вечером мы пошли в кино. В самый напряжённый момент он поворачивается ко мне и шепчет: «Франсин, я собираюсь тебя убить». Всё удовольствие от картины мне испортил!

— Делал ли он когда-нибудь подобные заявления при свидетелях? — поинтересовался Белью.

— Конечно. Я же сказала, он их делает при каждом удобном случае. Ему неважно, есть кто-нибудь рядом или нет. Две недели назад я пригласила на обед сестру, и, когда она рассказывала про свою соседку, больную раком, он ей говорит: «Вельма, прости, но я перебую тебя на секунду». Та замолчала, а он мне ехидно так подмигивает: «Франсин, я собираюсь тебя убить». А потом засмеялся и предложил сестре продолжать, — миссис Тёрнер хрустнула пальцами. — Если не верите, можете хоть сейчас ему позвонить, и он всё подтвердит. Телефон — Ульстер 9-2704. Он не будет отпираться, потому что очень гордится собой. Считает, что это самый лёгкий способ убить человека. Позвоните ему, он вам всё подробно распишет, а потом над вами же и посмеётся. О, этот его смех! словно он знает некую шутку, смысл которой понятен лишь ему одному! По-моему, если я ещё хоть раз его услышу, то попросту сойду с ума!

— Простите, мэм, но не рассказывал ли ваш муж, каким образом он намерен с вами расправиться?

— А как же! Конечно, рассказывал. Сначала он говорил, что меня собьёт машина. Потом — что я упаду в лестничный проём

и сломаю шею — мы живём на третьем этаже. Или же всё будет выглядеть так, будто я приняла слишком много снотворного. Я уже не могу без таблеток. Сколько выпила их с тех пор, как начался этот кошмар, и не сосчитать. Но по-прежнему не могу заснуть. А едва меня начинает клонить в сон, он легонько толкает меня в бок, и я снова просыпаюсь. Тогда он мне говорит: «Франсин, я собираюсь тебя убить», — после чего отворачивается к стенке и преспокойно засыпает, а я всю ночь ворочаюсь и переживаю. Вот что он со мной вытворяет.

— То есть вы считаете, что он хочет довести вас до смерти путём нервного истощения? — подытожил Белью.

— Именно! — энергично кивнула миссис Тёрнер. — Он убивает меня тем, что заставляет постоянно волноваться. Так что очень может быть, что в самое ближайшее время я и впрямь от расстройства потеряю бдительность и перейду улицу на красный свет, или шагну в лестничный проём, или... да мало ли что ещё со мной может случиться?! Главное, что всё произойдёт так, как он планировал. Как вы думаете, что он сказал мне вчера вечером? Что жить мне осталось неделю. Всего неделю, представляете?! И знаете что?

— Да, мэм?

— Я ему верю. На всё сто процентов, — миссис Тёрнер крепко прижала сумочку к груди. — Я уже дошла до такого состояния, что сегодня по дороге к вам чуть не попала под автобус. Стала переходить улицу и не заметила автобуса! Если бы какая-то девушка не схватила меня за руку, меня бы уже не было в живых.

— Вы считаете, что в этом виноват ваш муж? — уточнил сержант.

— Конечно, кто же ещё? — уверенно произнесла миссис Тёрнер и зачем-то потрогала свою шляпку, отчего та слегка съехала набок. — Слава богу, у меня здоровое сердце, иначе бы он давным-давно свёл меня в могилу. Я уже и так подпрыгиваю от любого резкого звука, а тут ещё он заявляет, что мне осталось жить всего неделю. Да мне просто повезёт, если я столько продержусь! И что вы намерены предпринять по этому поводу?

— Даже не знаю, мэм, честное слово. Если вы хотите заявить на вашего мужа, то мы можем...

— Заявить?! Говорю вам, он меня убивает! Неужели этого мало? По-моему, это похлеще всякого заявления. К тому

времени, когда вы заведёте на него дело, я уже буду на том свете. Так что никаких заявлений! Я хочу, чтобы вы поговорили с ним и добились того, чтобы он прекратил меня убивать.

— Что ж, мэм, если вы так настаиваете, я это сделаю. Но сначала я бы хотел задать вам вопрос. Как по-вашему, по какой причине муж желает вам смерти?

— Потому что я отказываюсь подавать на развод, — пояснила миссис Тёрнер. — Только и всего. Неужели это достаточно веская причина, чтобы убить человека?

— Я знал некоторых людей, которые и в самом деле так считали, — возразил сержант.

— Он не хочет подавать на развод сам! — пылко воскликнула миссис Тёрнер. — О, нет! Для этого у него слишком благородная натура. Он боится, что в этом случае будет неважно выглядеть в глазах его семьи и друзей. Поэтому либо я подаю на развод сама, либо он меня убьёт. А я никогда этого не сделаю. Подумайте сами, где в моём возрасте я найду себе нового мужа?

— Да, мэм, — вздохнул Белью. — Боюсь, вы правы.

— Так что остаётся только одно... — миссис Тёрнер развела руками. — Ульстер 9-2704.

— Простите, мэм, но не говорил ли ваш муж, почему он хочет с вами развестись? Может быть, всё можно уладить с помощью адвоката?

— Он говорит, что у него тысяча и одна причина. И все они совершенно безумные. Привести несколько в качестве примера?

— Да, мэм, если не возражаете.

— Не возражаю. Сейчас вы убедитесь в этом сами. Итак, безумная причина номер один: по его мнению, я недостаточно хорошо готовлю. Мы состоим в браке двадцать три года, и неожиданно он вбивает себе в голову, что, раз я плохо готовлю, то должна либо подать на развод, либо умереть. Вы сами женаты?

— Да, мэм, — кивнул Белью.

Миссис Тёрнер указала на фотографию в рамке, стоявшую на столе у сержанта.

— Это ваша жена?

— Да, мэм.

— Очень приятная женщина. Она хорошо готовит?

— Я бы сказал, довольно средне.

— Видите? У каждого свои недостатки. Безумная причина номер два: сейчас я не так красива, как в те времена, когда он на мне женился. Разве это не чушь? Позвольте вас спросить, вы давно женаты?

— В мае исполнится четырнадцать лет, мэм.

— И ваша жена так же красива, как когда-то? Только честно!

— Нет. Думаю, что она уже не так красива, как прежде.

— Вот и я о том же! — сверкнула глазами миссис Тёрнер. —

Безумная причина номер три: у нас, видите ли, не осталось общих тем для разговора. Мол, мы прожили вместе двадцать три года и за это время обсудили всё, что только можно. Но это же полный бред! Скажите, сержант, у вас бывает так, что вам не о чем говорить с вашей женой?

— Да, мэм, бывает.

— И это причина для развода или убийства? Можно подумать, что мне есть о чём беседовать с ним! В конце концов, я была замужем за ним столько же, сколько он был женат на мне. Далее, безумная причина номер четыре: я заставила своей косметикой все полки в ванной. А где ещё, скажите на милость, женщине держать косметику? Кроме того, у меня полно шампуней, кремов... Я оставляю на туалетном столике, сколько умещается, но что делать со всем остальным? Спрятать в шкаф? Но ведь я пользуюсь ими каждый день. Где ваша жена держит свою косметику?

— В ванной, мэм.

— То-то же! — торжествующе воскликнула миссис Тёрнер. — Безумная причина номер пять...

— Прошу прощения, — перебил её Белью, — но мне кажется, что теперь ситуация прояснилась. Если вы не передумали, я готов позвонить вашему мужу и поговорить с ним.

— О боже, как я рада! Наконец-то он возьмётся за ум! Ульстер 9-2704. Бернард В. Тёрнер. Может, мне стоит подождать?

— Нет, мэм, не думаю, что в этом есть необходимость. Я просто попрошу его заглянуть ко мне в самое ближайшее время, и мы с ним побеседуем как мужчина с мужчиной.

— Огромное вам спасибо! Даже не знаю, что бы я без вас делала. Когда сюда ехала, я так волновалась, что чуть не попала под автобус... ах, да, я же вам уже об этом рассказывала.

— Да, мэм.

— Вот видите?! Представляете, до чего он меня довёл? Мне осталось жить всего неделю! И мне ещё очень повезёт, если сегодня я доберусь до дома живой и невредимой.

— Если хотите, я могу попросить патрульного вас подвезти.

— Нет-нет, не беспокойтесь, со мной всё будет в порядке, — миссис Тёрнер неуверенно улыбнулась. — Вот поговорила с вами и сразу почувствовала себя гораздо лучше. Если он прекратит меня убивать... убивать каждую минуту... Вы записали номер? Ульстер 9-2704.

— Разумеется, — заверил её Белью.

Миссис Тёрнер облегчённо вздохнула.

— Вот и хорошо. Всего вам доброго.

— И вам того же, мэм.

Сержант внимательно наблюдал за ней, пока она не скрылась за дверью. За это время миссис Тёрнер дважды поправила шляпку, и у него возникли серьёзные сомнения в том, что после разговора с ним она почувствовала себя «гораздо лучше». С его точки зрения, она по-прежнему выглядела как человек, которому ничего не стоит шагнуть под колёса приближающегося автобуса или упасть в лестничный проём. Сегодня вряд ли, но, судя по всему, скоро. Очень даже может быть, что и на этой неделе.

Некоторое время Белью сидел, глядя на недописанную докладную и задумчиво постукивая по ней кончиком карандаша, а затем придвинул к себе телефон и набрал номер, который уже успел заучить наизусть.

— Мистер Бернارد Тёрнер? — спросил он, когда на другом конце провода сняли трубку. — Вас беспокоит сержант Стэнли Белью из четвёртого участка. Скажите, пожалуйста, вас не затруднит сегодня заглянуть ко мне?.. Нет-нет, ничего официального, дело сугубо личное, — сержант посмотрел на фото своей жены и показал ему язык. — Вообще-то, я был бы вам очень признателен, если бы вы приехали к окончанию моего дежурства. В шесть? Отлично! Буду ждать с нетерпением... ☑

Анастасия Степеньчикова,
контролёр на предприятии «Самараавтожгут», 22 года

Посвящается незрячим коллегам

* * *

Как трудно жить, самим себе не веря,
Когда глазами видеть не дано!
Но чудо есть! Оно стучится в двери.
Поверь, мой друг, ты заслужил его!

Познав на ощупь каждое словечко,
Ты должен знать и жизни главный ход,
Так пусть в груди не спит твоё сердечко
В такой прекрасный праздник – Новый год!

Любовь, успех, и счастье, и удачу
Пускай тебе подарит Дед Мороз!
И ничего, что ты, мой друг, незрячий.
Достоин жизни ты без бури и без слёз!

На тёмном небе звёзды засияли,
И песни все волшебные поют!..
Ты вместе с нами загадай желанье,
Когда часы двенадцать раз пробьют!

Как трудно жить, самим себе не веря,
Когда глазами видеть не дано,
Но чудо есть, оно стучится в двери,
И ты впусти, скорей впусти его!

Пиар для Деда Мороза

Елена Логунова

Я

уснула в четыре, а она позвонила без четверти шесть.

— Здравствуйте, Татьяна Ивановна!

Извините, что звоню так поздно...

— Рано, — поправила я, мысленно выругавшись.

И зря, что мысленно: с ругательствами было бы доходчивее. Без них она не поняла ни моих слов, ни моего настроения и вибрирующим голосом с нарастающей нервозностью продолжила:

— Случилось ЧП! Пропал мой товарищ, московский журналист!

— Простите, уважаемая! — перебила я, всё ещё сдерживаясь. — А я-то тут при чём?

— Так ведь в справочнике для участников конференции написано, что вы отвечаете за работу со СМИ!!!

— Но не в таком же широком диапазоне! — возмущённо фыркнула я.

В мои обязанности действительно входила организация работы «акул пера». Но конференция, ход которой освещала почти тысяча журналистов, торжественно закрылась вечером, и я уже была вправе пе-

рейти от узкопрофессионального трудового подвига к широко-масштабным нетрудовым.

— Сколько лет вашему пропащему?

— Тридцать, а что? Да это неважно! Важно, что в два часа ночи он ушёл из ночного клуба «Снежинка» и до сих пор не вернулся в отель!

Я глубоко вздохнула. Потом медленно, с шипением, выдохнула сквозь зубы и плюнула ядом:

— Значит, тридцатилетний мужик, находясь в командировке в Сочи, после общего банкета ушёл в одиночное плавание. И это, по-вашему, повод бить тревогу?

— Так ведь у нас с ним в десять утра самолёт!!! Вот я вам и сигнализирую...

— Девушка, милая! Зачем мне сигнализировать? Я же не милиция!

— В милиции со мной даже разговаривать не стали! Просто бросили трубку! — слезливо пожаловалась несносная девушка.

Моё отражение в сумеречном зазеркалье покачнулось и мучительно зевнуло. В этот момент я как никогда хорошо понимала нашу милицию. Телефонную трубку хотелось не просто бросить, а зашвырнуть с балкона восьмого этажа в пучину моря. И поглубже!

— Поэтому, пожалуйста, позвоните им вы! — попросила плаксивая приставала.

Я вздохнула, всколыхнув занавеску.

— Девушка, вы представляете, что мне скажут в милиции?

— Тогда позвоните в ФСБ!

— Девушка! Вы даже НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ, что мне скажут в ФСБ!

— А к кому же тогда обращаться?! — голос в трубке превратился в визг и ушёл в ультразвук.

Я поморщилась, потёрла ухо и посмотрела в потолок. Он был белый, как снег, и это подарило мне подсказку.

— Девушка, а вы попросите Деда Мороза! Пусть он вручит вам вашего потерявшегося друга в качестве досрочного новогоднего подарка!

— Вы с ума сошли? — тяжкое подозрение в моих умственных способностях увело голос в трубке в глубокие басы.

— Да нет, наоборот!

В мозгу у меня просветлело.

Делегация от одной северной российской территории в качестве рекламной приманки для журналистов приволокла с собой на конференцию в Сочи Деда Мороза. Идея оказалась весьма неплохой — я отметила это с особым удовольствием, так как организаторы флешмоба предварительно советовались со мной, и я сказала, что будет классно. Вот, пожалуйста, не ошиблась.

Поддерживая подол облегчённого летнего одеяния, белобородый Дед с посохом полдня таскался по пляжу, позируя перед камерами, фотографируя с народом и терпеливо мотая на седой ус детские и взрослые просьбы и пожелания. Я, кстати, тоже не удержалась и попросила доброго Дедушку подарить мне разовую порцию счастья в личной жизни. Небольшую такую. Легкоусвоюемую.

Хм...

Я перевела заострившийся взор из туманных глубин мутного гостиничного зеркала на кровать: относительно небольшая и легкоусвояемая порция счастья в личной жизни тихо сопела в подушку, — аккуратно выключила отчаянно рыдающий мобильник и сосредоточенно потрясла мускулистое плечо:

— Эй, как там тебя...

— М-м-м-му, — невнятно отозвалось счастье.

— Му-Му так Му-Му, — сговорчиво согласилась я. — Слышь, Му-Му, ты не помнишь название того ночного клуба, где мы с тобой познакомились? Это, часом, не «Снежинка»?

— Угум, — интонация определённо была положительная.

— А ты журналист из Москвы, да?

— М-м-м-да-м-м...

Так.

Я секунду подумала и включила лампу. Сонное счастье протестующе застонало, но мне нужен был свет, чтобы найти записную книжку, а в ней — нужный телефон.

— Алё, девушка? — я перезвонила на последний входящий номер. — Запишите телефончик. Плюс семь...

— А там кто? — плакса перестала реветь, в её голосе прорезались обнадёженные нотки.

— Да Дед Мороз, кто же ещё! Объясните ему ситуацию, попросите к девяти утра вернуть вашего мужика в отель, и добрый Дедушка всё устроит. Скажете — от меня!

Я не зря уже много лет курирую «смишников» — в голосе выработались непререкаемые командные нотки.

— Хорошо, — растерянно пролепетала она, и в трубке раздались длинные гудки.

Не теряя времени я быстро настучала нужный номер из записной книжки и, дождавшись сонного голоса пресс-секретаря делегации той самой северорусской территории, чётко и внятно проговорила:

— Здравствуй, Дедушка Мороз, борода из ваты!

— Это кто? — хрипло изумилась трубка.

— Это я, ваш добрый ангел!

— Это ты-то ангел?! — хрипы в трубке окрепли: меня узнали.

— Ну, ангел не ангел... — я коротко оглянулась на разворошённую кровать и вернула свои чудодейственные командные нотки. — Не ори, сначала послушай! Я вам с Дедом Морозом шикарный пиар организую! Сейчас тебе позвонит одна московская журналистка, у неё к Дедушке будет деликатная просьба. Выслушай, не перебивая, и обещай, что непременно исполнишь! А с журналистки за это потребую хвалебную публикацию в федеральном СМИ!

— Публикация — это здорово, но ведь мы чудес не делаем... — засомневался мой собеседник.

Я вздохнула.

— Это ВЫ чудес не делаете, а МЫ — запросто! И днём, и ночью... Короче, твоё дело — поговорить с милой девушкой, а потом ложись спать, не тревожься, утро вечера мудренее.

Я снова выключила мобильник и обменялась понимающим взглядом со своим отражением в зеркале.

— Не слишком ли много работаешь? — сочувственно спросило оно меня.

— Нормально, — мужественно ответила я. — Мы рождены, чтоб сказку сделать былью! — и вернулась в постель.

На часах было только шесть с минутами, и до восьми утра переходящий подарок от Деда Мороза по праву считался моим. ☑

СКАНДАЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ

Ирина Опимах

Внаследии Левитана очень мало портретов — он предпочитал пейзажи и писал только тех, кого уж очень любил, например, Чехова — своего самого, пожалуй, близкого друга. Но эту женщину Левитан рисовал не раз. И звали её Софья Петровна Кувшинникова.

В 1880-е годы в Москве все знали этот дом рядом с мясницким полицейским участком, недалеко от Хитрова рынка, притона мошенников и убийц, — тут, под самой каланчой, в скромной казённой квартире полицейского врача Дмитрия Павловича Кувшинникова был настоящий артистический салон, куда любил приходить цвет московской богемы — литераторы, художники, певцы, актёры: Чехов со своими братьями, звёзды (как сказали бы сегодня) Малого театра Ермолова, Ленский и Южин, знаменитый в те времена певец Донской и многие-многие другие. И все эти блестящие люди находили здесь тепло, уют, интересное общение и неплохое угощение. А хозяйкой и настоящей вдохновительницей этого московского салона

И. Левитан.
*«Портрет Софьи
Кувшинниковой»,
1888 г.*

была жена доктора Софья Петровна. Она родилась в 1847 году в семье крупного чиновника П. Н. Сафонова, увлекавшегося литературой и искусством. Эту страсть он передал и дочери. Чем она только не занималась в юности: музыкой, живописью, участвовала в любительских спектаклях. И с гордостью называла себя «жрицей душевного, умственного и художественного». Дмитрий Павлович был намного старше жены. Добрейшей души человек, он обожал свою Сонечку и после свадьбы не мешал ей служить богам Прекрасного.

По словам Т. Щепкиной-Куперник, Софья Петровна считалась в Москве «выдающейся личностью». Её нельзя было назвать красавицей, зато у неё была прекрасная фигура, выразительные глаза, пышные тёмные волосы и отменный вкус.

«Это была не особенно красивая, но интересная по своим дарованиям женщина, — писал брат Чехова Михаил. — Она прекрасно одевалась, умея из кусочков сшить себе изящный туалет, и обладала счастливым даром придать красоту и уют самому унылому жилищу, похожему на сарай».

«В Кувшинниковой было много такого, что могло нравиться и увлекать. Красотой она не выделялась, но была безусловно интересна — оригинальна, талантлива, поэтична и изящна», — вспоминала О. Книппер.

Софью всегда окружали поклонники, и, по-видимому, она отличалась определённой свободой нравов, свойственной её приятелям из богемы, но при этом старалась не оскорблять чувств супруга. Дмитрий Павлович целыми днями пропадал на работе, а она писала натюрморты, музицировала и общалась со своими богемными друзьями.

Жили Кувшинниковы небогато, но Софья Петровна могла удивительным образом создать красоту и уют, казалось бы, из ничего. «Всё у неё в квартире казалось роскошным и изящным, а между тем вместо турецких диванов были поставлены ящики из-под мыла и на них положены матрацы под коврами. На окнах вместо занавесок были развешаны простые рыбацкие сети», — искренне поражался её умению Михаил Чехов.

И вот однажды в этом уютном мирке, который создала для себя и своих друзей Софья Петровна, появился Исаак Левитан. Его привели к Кувшинниковым братья Чеховы. Ей — чуть за сорок, ему — двадцать восемь, но разница в возрасте не мешала разгореться роману, одному из самых известных в истории русской культуры. Софья Петровна просто не могла не потерять голову от этого черноглазого красавца, одинокого, романтического, такого талантливого и уже довольно знаменитого — вся Москва говорила о его пейзажах, которые он только что привёз из поездки в Крым. А Левитан — он подчинился вихрю её чувств, отдался её заботе и нежности, так не хватавших ему в жизни. Он полюбил её, несомненно, полюбил, ведь только любящий человек мог написать её портрет, где она юная, красивая, с тонкой талией, в белом платье...

О них стали говорить в обществе, но что им было до этих разговоров! Тем более что доктор Кувшинников по-прежнему всё прощал жене, прощал даже тогда, когда она надолго уезжала

с Левитаном и ещё одним художником, её вечным поклонником Алексеем Степановым, как они говорили, на этюды — на Волгу, в Плёс...

Левитан был счастлив, он испытывал огромный подъём, который не мог не отразиться в его творчестве. «Знаешь, в твоих пейзажах появилась улыбка», — удивлённо говорил Чехов своему обычно меланхоличному другу.

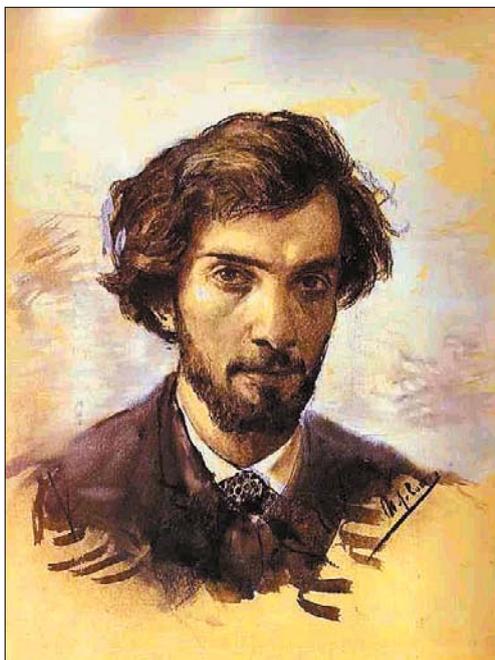
Первый раз Кувшинникова и Левитан вместе с вечным Степановым уехали на этюды в 1888 году. Отъезд этот был отчасти вызван довольно неприятным обстоятельством — как раз тогда вышел указ царя Александра II о принудительном выселении евреев из крупных городов за черту оседлости. В Петербурге и Москве подняли голову черносотенцы, и в этой ситуации Левитану лучше было уехать куда-нибудь подальше. Что он и сделал в компании Софьи и Степанова. В то лето они путешествовали по Волге на теплоходе, а потом поселились на берегу реки в доме купца Солодовникова, в комнатах на втором этаже. В одной комнате стояли мольберты, а в другой была гостиная с пианино. Днём все вместе занимались живописью. (Софья, несомненно, была одарена живописным талантом. Её работы в 1887—1906 годах часто появлялись на выставках Московского общества любителей художеств, на выставках передвижников и в Петербурге, на выставках Академии искусств. В 1888 году её картину «Интерьер церкви Петра и Павла в Плесе» приобрёл Павел Третьяков для своей галереи, что говорило о несомненных достоинствах этого полотна.)

Вечерами говорили об искусстве, потом Софья играла — Левитан очень любил слушать Моцарта в её исполнении. А ещё — Бетховена, Шопена, Листа. Она была замечательной пианисткой, прекрасно чувствовала музыку.

Уехали они на этюды и в следующее лето. Ездили и осенью. Особенно им понравилось в Плесе — чудесном местечке на берегу Волги. Там было тихо, красиво и спокойно. И очень хорошо работалось. Так продолжалось несколько лет. Левитан блаженствовал — впервые о нём кто-то заботился, решал за него все бытовые вопросы... Он был совершенно свободен для творчества. В те годы, рядом с Кувшинниковой Левитан написал свои самые знаменитые картины: «Над вечным покоем», «Владимирка», «Омут» и многие другие.

И. И. Левитан.

«Автопортрет»,
1880 г.

Ей, конечно же, было непросто. Сложно подстраиваться под левитановский характер — раздражительность, полное отрешение от жизни во время работы, капризы... А ещё — женщины, которых он покорял, порой даже не замечая этого. О, как же её порой мучила ревность! Эти истории с дамами сопровождали её всё время.

Однажды, когда они снимали жильё в том же Плесе, в доме купца Грошева, Левитан увлёкся женой хозяина Анной. И она тоже по уши влюбилась в красавца художника. Часами рассказывала о своей грустной жизни с нелюбимым, опостылевшим мужем-старообрядцем, который, кроме молитв и своей лавки, больше ни о чём не думал. А Левитан слушал. Внимал её печальным словам и утирал слёзы. Анна решила бежать из семьи, надеясь, что будет жить в городе с Левитаном. В то лето в Плес их сопровождал влюблённый в Софью Петровну Савва Морозов — он тоже оказался втянутым в эту историю. Бегство

жены-бунтарки всё же состоялось. Уезжали парами — сначала Морозов с Анной, потом Левитан с Софьей. Ну а в Москве всё оказалось не так, как думала наивная Анна Грошева: Левитан забыл обо всём, погрузившись в работу. Он заканчивал этюды, начатые в Плесе, готовился к выставке, а потом и вовсе уехал в Европу — Третьяков поручил ему сделать копии с картин французских мастеров. Сердобольный Морозов снабдил беглянку кое-какими деньгами и даже устроил на работу на одну из своих фабрик. Софья Петровна очень боялась, что, вернувшись в Москву, Левитан захочет увидеть Анну, но он, переполненный впечатлениями, даже о ней и не вспомнил!

А потом был мимолётный роман с Ликой Мизиновой. Софья страшно страдала, ревновала к молодой красивой Лике, но всё ему прощала. Понимала: он большой художник, и помогала ему творить и жить.

Она полностью завладела своим Левитаном, и постепенно это стало раздражать его друзей. Было много таких, кто осуждал Софью Петровну за её безоглядную любовь к человеку намного её моложе и за то, что обижала своего терпеливого мужа. Наверное, осуждал её и Чехов. В 1892 году он опубликовал в журнале «Север» рассказ «Попрыгунья». Разразился страшный скандал — сюжет «Попрыгуньи» был невероятно похож на драму, разыгрывавшуюся между супругами Кувшинниковыми и Левитаном! В героях рассказа читатели, знакомые Софьи Петровны и Левитана, легко узнавали супругов Кувшинниковых и их гостей. Доктор Дымов — это, конечно, Дмитрий Кувшинников, попрыгунья Ольга Дымова — Софья Петровна, художник Рябовский — Левитан. Узнали себя в героях рассказа и другие посетители салона Софьи Петровны. «Певец из оперы» — Донской, «артист из драматического театра, отличный чтец» — А. Ленский, доктор Коростылёв — А. Степанов. Сюжет известен: пустая, легкомысленная Ольга увлеклась знаменитым художником и забыла про своего мужа. А потом влюблённые охладели друг к другу. Финал рассказа очень грустный, даже трагический — добрый, обманутый женой-«попрыгуньей» доктор Дымов умирал, заразившись тифом от больного ребёнка, которого он спасал.

Многие злорадствовали, обсуждая подробности этой истории, но были и такие, кто осуждал Чехова. А он всячески

пытался оправдаться — мол, его сюжеты не имеют никакого отношения к жизни, всё это он выдумал. «Можете себе представить, — писал он Лидии Авиловой, которую, кстати, некоторые его биографы считают главной любовью его жизни, — одна знакомая моя, 42-летняя дама, узнала себя в двадцатилетней героине «Попрыгуньи», и меня вся Москва обвиняет в пасквиле. Главная улика — внешнее сходство: дама пишет красками, муж её — доктор, и живёт она с художником».

Софья Петровна обиделась страшно. Она так хорошо относилась к Чехову, а он подло над ней надсмехался. В рассказе были использованы её выражения, её словечки, её воспоминания — дело в том, что в её доме на столе всегда лежал альбом, в котором она на протяжении многих лет делала записи. В этот альбом мог заглянуть любой её гость. И вот в «Попрыгунье» Софья увидела фразы из этого альбома, какие-то замечания, воспоминания, касавшиеся её интимной жизни. (Другое дело — почему она не прятала альбомчик куда подальше?) Дом Ольги Дымовой очень походил на дом Кувшинниковой, таким же был и стиль её туалетов. И хотя Ольга Дымова была молоденькой блондинкой, а Софья — далеко не юной брюнеткой, всем всё было предельно ясно.

Обиделся и Левитан — в основном за свою подругу. Если бы не она, он, может, и простил бы друга, но задетой оказалась честь его Софьи! Он написал гневное письмо Чехову, был готов даже стреляться, но, слава богу, до дуэли дело не дошло, однако поссорились они надолго — почти на год. И если бы однажды в мастерскую не приехала Т. Щепкина-Куперник и не уговорила Левитана поехать к Чехову в Мелихово, где бывшие друзья снова стали друзьями, они, может, ещё долго не помирились бы. Но Софья Петровна Чехову «Попрыгунью» так и не простила.

Вскоре её ждал другой удар, и гораздо страшнее — Левитан её разлюбил.

Это случилось в июле 1894 года. Софья с Исааком жили тогда в имении Ушаково в Тверской губернии. Имение принадлежало семейству Панафидиных — радушных, замечательных, необыкновенно милых людей. Все в доме ухаживали за Левитаном, а он очень много работал — уходил подальше на природу, писал, но вечера и праздники проводил в окружении этих друзей, искренне восхищавшихся им.

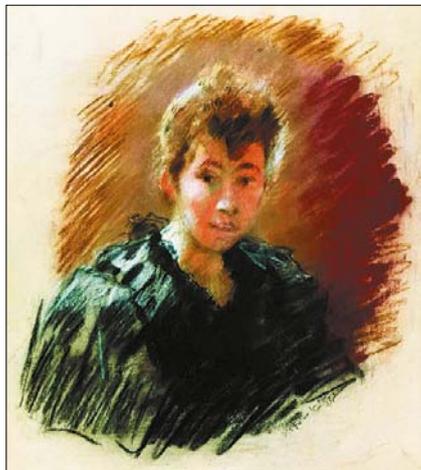
В конце лета в соседнюю усадьбу приехали хозяева — жена и дочери видного петербургского чиновника Турчанинова. Узнав, что рядом живёт знаменитый художник Левитан, дамы тут же решили нанести визит Панафидиным. И вот, как рассказывала Т. Щепкина-Куперник, тоже жившая тогда у Панафидиных, «Отношения завязались. Мать была лет Софьи Петровны, но очень заботившаяся о своей внешности, с подведёнными глазами, с накрашенными губами, в изящных корректных туалетах, с выдержкой и грацией петербургской кокетки... Завязалась борьба... На наших глазах разыгрывалась драма. Левитан хмурился, всё чаще пропадал со своей Вестой (собакой) «на охоте», Софья Петровна ходила с пылающим лицом, а иногда с заплаканными глазами. И кончилось это всё полной победой петербургской дамы и разрывом между Левитаном и Софьей Петровной...»

Софья Петровна вернулась в Москву одна. А Левитан переехал к Турчаниновым. Но там покоя не было. Дело в том, что в него влюбилась не только мать, но и старшая дочь. Левитан, видно, заигрался в любовь и оказался в ужасной ситуации, а когда понял, как глубоко погряз во всех этих страстях, не придумал ничего лучше, как стреляться. Правда, только ранил себя — ну, не кончать же с жизнью из-за этих пылких дам!

Но дамы перепугались и вызвали доктора Чехова, который, конечно же, приехал спасать своего любвеобильного друга. Кстати, эта история тоже нашла отражение в творчестве Чехова — в «Доме с мезонином», но на сей раз прототипы решили не узнавать себя в героях повести.

Надо сказать, что чувство Анны Николаевны Турчаниновой оказалось настоящим — она оставалась с Левитаном до конца его дней, преданно ухаживала за ним, уже тяжело больным — у него всегда было слабое сердце. Он умер 22 июля 1900 года. Перед самой смертью он попросил сжечь весь его архив, все письма. Оборвал все нити.

Софья Петровна тяжело переживала разрыв с Левитаном. Она как-то вдруг постарела, погасла, и хотя по-прежнему принимала гостей в доме под каланчой, ездила со знакомыми художниками на этюды, играла на рояле, что-то сломалось в ней, ушло из жизни что-то самое важное. Никто из окружавших её людей не мог сравниться с Левитаном... Она часто смотрела на свой портрет, написанный им, — тот самый, где она сидит

И. И. Левитан. «*Портрет
С. П. Кувшинниковой*», 1894 г.

в белом атласном платье. Она свято хранила и портрет, и то белое платье, напоминавшее ей о лучшем времени её жизни...

Когда Левитан умер, она написала воспоминания о нём. Там, в этих воспоминаниях, нет ни горечи, ни злобы, ни упреков. Только добрые, тёплые, трогательные слова о замечательном художнике, с которым ей довелось прожить рядом несколько лет...

Умерла Софья Петровна в 1907 году — ухаживала за одной одинокой женщиной, болевшей тифом, и заразилась. Умерла почти так же, как умер доктор Дымов в чеховском рассказе. Где её могила — неизвестно.

Прошло несколько лет, и брат Левитана Адольф Ильич в компании племянников, детей сестры художника Терезы, решил подзаработать на знаменитой фамилии. Они открыли фирму и стали продавать его полотна. За истинных «Левитанов» выдавались и картины, написанные Софьей Петровной. Это было нетрудно — хорошая ученица прекрасно уловила стиль своего учителя.

С тех пор у искусствоведов множество проблем с атрибуцией левитановских работ... ☹

НЕ ПОРОК СОВСЕМ...

Денис Логинов

В Брюсселе прошёл 12-й винный салон «Megavino-2010». Его проведение не только стало крупным событием европейского масштаба (на нём были представлены 28 стран и 280 экспонентов — виноделов и винодельческих объединений, виноторговцев и торговых групп), но и показало, что в период кризиса бельгийцы начали употреблять намного больше вина... хорошего вина...

В первые же минуты работы салона выставочный дворец быстро заполнился публикой. Кто-то дегустировал образцы, кто-то покупал понравившееся вино,

кто-то вёл деловые переговоры. И ни малейшего признака того, что за стенами дворца всё ещё продолжается экономический кризис, выход из которого, как считают в высших инстанциях Евросоюза, только начинается.

Мы беседуем на эту тему с организатором «Megavino» Аленом Блуйкенсом.

«Действительно, последние месяцы хоть не включай телевизор: экономисты и профессора сообщают нам мрачные новости об экономическом спаде, — говорит Ален. — Если же судить по сектору виноделия и виноторговли, а точнее по статистике нашего винного салона, то где этот спад? В разгар кризисного 2009-го мы впервые превысили цифру в 25 тысяч посетителей за один уик-энд. А в нынешнем преодолели и этот показатель. Выставочная площадь была быстро раскуплена экспонентами, и более чем за месяц до открытия мы уже вынуждены были отказывать запоздавшим претендентам».

Если объективно анализировать цифры, выясняется, что в Бельгии с 2008 года происходит рост потребления вина примерно на 1,5% в год. «Вы мне скажете, что это немного, а я вам возражу, что много. Ведь всё же кризис не выдумка, и этот рост наблюдается именно в кризисные годы», — продолжает Ален. При этом уточняет, что официальная статистика строится на данных таможни и ресторанной отрасли. Но сегодня солидная часть винной продукции прибывает в Бельгию не в качестве декларируемого торгового груза, а в виде личных приобретений людей, свободно перемещающихся в Шенгенской зоне. А что касается потребления в барах, кафе и ресторанах, в кризис оно уменьшилось из-за высоких цен, но зато увеличилось потребление вина в домашних условиях. «Есть и другая, более важная цифра. Расходы бельгийцев на вино заметно выросли. Мы посчитали, что в расчёте на душу населения в стране они составили в 2009 году 165 евро в год. В 2008-м трагилось на 20 евро меньше. Очень существенное увеличение».

Ален не находит такую ситуацию парадоксальной. Во-первых, бельгийцы, несмотря на древние традиции пивной страны, давно славятся как одни из главных в Европе потребителей качественных вин. Во-вторых, — и на этом он особенно настаивает — вино не является обычным товаром, как другие.

«Часто говорят, что вино — продукция категории люкс. Похоже на правду, но на самом деле это не так. Вино стало элементом общения, особенно для бельгийцев. Даже когда у них куча забот и финансовых проблем, они экономят на чём угодно, только не на вине. Вино всегда связано с радостью и счастьем», — рассуждает Алэн.

При этом разговоре мне приходят на память страницы из замечательной «Легенды об Уленшпигеле» Шарля де Костера. В самые тяжёлые времена простые радости жизни для предков современных бельгийцев всегда имели огромное значение. Достаточно вспомнить взрывной монолог о «драгоценном теле» уставшего отливать пули для нидерландских повстанцев толстяка Ламме Гудзака. «Да будет тебе известно, что душе нашей — а душа есть дыхание жизни, — для того чтобы дышать, потребны бобы, говядина, пиво, вино, ветчина, колбасы и покой...» — гневно бросил он кузнецу Вастеле. Этот эпизод в книге де Костера не случаен и очень типичен для бельгийца, переживающего жизненные трудности, сомнения или неприятности.

В случае явных признаков окончания кризиса можно было бы пересмотреть цифры на повышение, о которых говорит Блуйкенс. И в этом нет никакой иронии. Если просле-

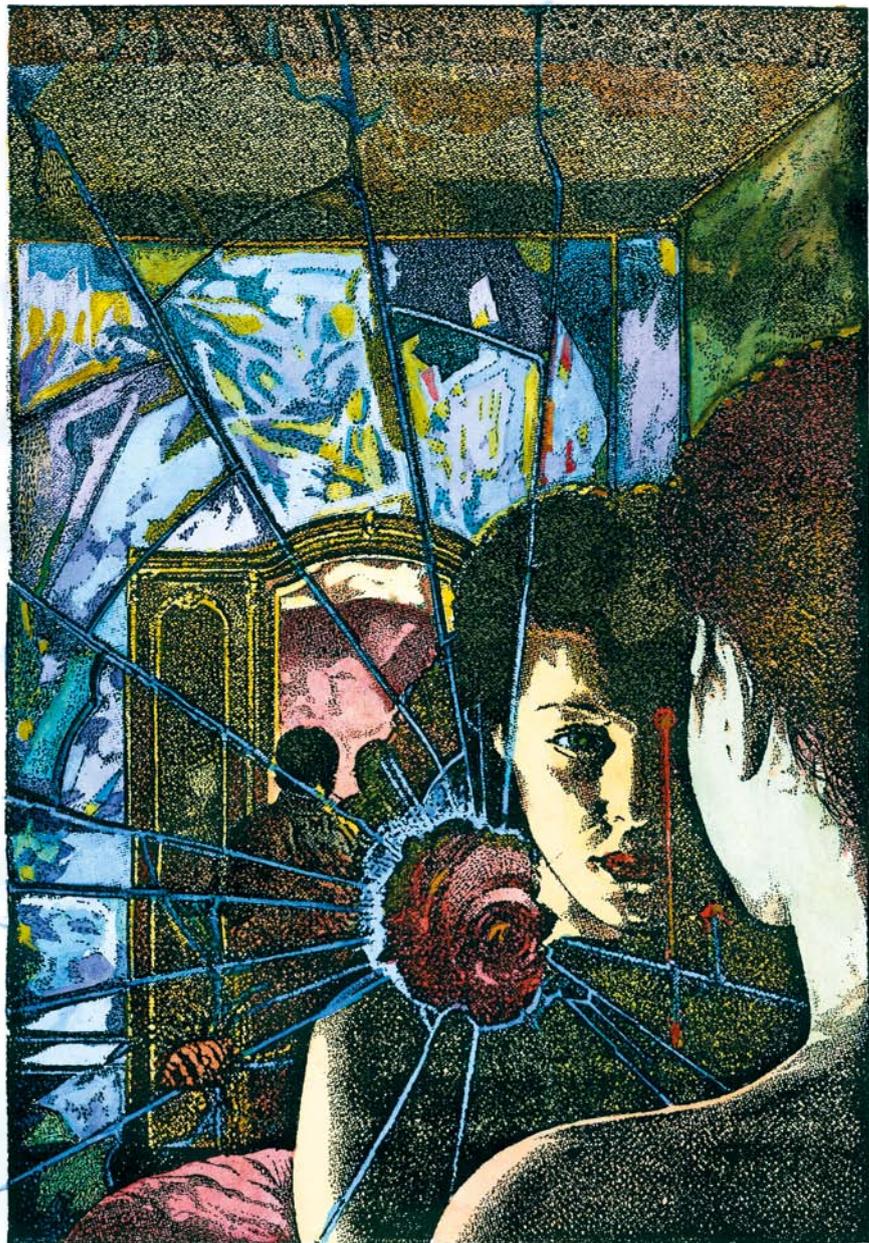
дить историю вина вообще, оно всегда занимало особое место в жизни человека, и отнюдь не только по причине его пьянящих качеств. От ритуалов древнего Египта до христианского Святого Причастия вино сохранило характер некой духовно-общественной составляющей, атрибутики человеческой солидарности и взаимопонимания. В одном из директивных документов Европейского союза отмечено то, что вам и так скажет любой серьёзный знаток виноделия: вино должно оцениваться не как простой потребительский продукт, а как критерий качества жизни, как культурная ценность и общественный фактор.

Если говорить об «общественной винотерапии» (а не о банальном пьянстве, конечно), вино как «элемент общения» способствует обмену эмоциями и информацией, создавая творческий потенциал, направленный на перспективу, на результат. Наконец, просто на выход отрицательной энергии, отравляющей жизнь.

Впрочем, об этом давным-давно всё сказал Омар Хайям:

*«Запрет вина — закон, считающийся с тем,
Кем пьётся, и когда, и много ли, и с кем.
Когда соблюдены все эти оговорки,
Пить — признак мудрости, а не порок совсем».* ☐

Екатерина Пименова

Зеркало

- М

ам, ну посмотри, мам!..

— Погоди секунду, пожалуйста, не видишь — мама занята?

— Ну, мам, мам, там так интересно, пойдём, мам!.. — пятилетний Славка ужом вился вокруг матери, дёргая её за подол домашней кофты, и тянул из кухни в комнату.

— Я сказала, не выдумывай! — она отчищала деревянной лопаткой пригоревший к сковородке блин и нервно поглядывала на часы. — Папа сейчас придёт, маме надо готовить. Ты в состоянии пять минут сам с собой поиграть? Или нет? Взрослый парень, а...

— Маааама! Ну там так интересно, я тебе такое покажу!..

Из маленькой комнаты донёсся измождённый голос свекрови:

— Лариса, у меня голова раскалывается! Можешь, ради бога, успокоить своего ребёнка?

— Да, мамочка! — неестественно бодро крикнула женщина и погрозила сыну лопаткой: — Слышишь? Сейчас бабуля выйдет и будет нам с тобой до вечера мозг выносить, — последнюю фразу она проговорила

зловещим шёпотом. — Иди в комнату, я сейчас дожарю блины и приду посмотрю. Хорошо? Иди. Иди, пожалуйста! — в голосе отчётливо прозвенело отчаяние.

Малыш соорудил печальную гримаску, пожал плечами, развернулся и пошёл прочь.

— Слава!

— А? — встрепенувшись, обернулся он.

— Не сердись на маму, хорошо?

Ей хотелось добавить: «Мама очень старается быть хорошей женой папе и хорошей снохой твоей чёртовой бабушке, но у неё это неважно получается, поэтому мама твоя скоро станет неврастеником». Но пока, учитывая возраст Славика, от подобных речей имело смысл воздержаться.

Начался дождь. На окраине Вологды он шелестит, будто что-то шепчет, а здесь, в Москве, вместо шёпота жестяная дробь по подоконникам и мокрый плеск по асфальту. Машины едут — шшш-шшш... Люди идут: «Твою мать, опять дождь, когда же это кончится...». Ведут ребёнка: «Оля, смотри под ноги, извозилась вся, как свинья!». Ташат домой собаку: «Дина, Дина, ко мне! Фу, Дина, вылезти из лужи!».

Лариса вздохнула. Блины уже лежали горкой в тарелке, мясо с картошкой, почти готовое, глухо булькало в кастрюле. Стиральная машина с противным «взззззз» начала полоскать бельё. Кухонную дверь она отчистила ещё утром, а за лекарствами для свекрови ходила днём. Оставалось помыть голову и переодеться. Кажется, она всё успела.

...Ещё на заре семейной жизни, когда Славки не было и в проекте, а сама Лариса была смешливой двадцатилетней девчонкой, свекровь, по обыкновению заводя глаза в потолок, сказала ей:

— Деточка, вы должны понимать: мы приняли вас в семью, поэтому вам придётся соблюдать некоторые правила, чтобы постепенно стать в этой семье своей. Во-первых, вы не будете работать: женщины в нашей семье не работают, их обязанность — домашнее хозяйство. Во-вторых, родите ребёнка. Лучше сына, потому что он продолжит нашу фамилию. Как — это ваше дело. В конце концов, существует УЗИ, если девочка — сделаете аборт. В-третьих, к приходу мужа с работы в доме всегда должен быть

порядок, на столе должен стоять ужин, и учтите, деньги следует тратить разумно...

Мысленно Лариса тогда продолжила фразу: «...иначе твой муж бросит тебя так же, как меня бросил мой», — но вслух ничего не сказала. Она очень любила Андрея — тогда ещё не законного, а, как принято сейчас говорить, гражданского мужа.

Несколько раз она не смогла «соответствовать»: не успела приготовить еду, не успела постирать, не выглядела достаточно ухоженной и сексуальной, закатила пару истерик во время беременности. И каждый, каждый её промах сопровождался долгой унижительной лекцией на тему наглых «понаехавших», которым лишь бы хапнуть московскую жилплощадь, а там хоть трава не расти...

Стоит ли говорить, что слово «понаехали» Лариса ненавидела почти так же, как свою свекровь?

В большой комнате было подозрительно тихо. Лариса толкнула дверь и замерла на пороге, понимая, что не сможет сейчас даже закричать, настолько сильным оказался шок. Не издав ни звука, она молниеносным движением подлетела к высокому зеркалу, стоящему в углу, и выдернула сына, уже наполовину погрузившегося в его гладкую поверхность. Дёрнула резко и, видимо, больно — Славка заревел.

— Ты что! Ты что! Ты... — задыхаясь от испуга, беззвучно крикнула она.

— Маааааа... — по-лягушачьи растягивая рот, затянул мальчишка. — Мама, мне бооольно!..

— Тш-шшш! — Лариса обрела голос, прижала к себе сына и начала судорожно гладить его по спине. — Ну, прости, прости!.. Не плачь, тихо, а то бабушка... Слава, что ты делал? Что это было?

Продолжая всхлипывать, мальчик вытер кулачком слёзы.

— Я тебя звал! Я хотел показать!

— Ты это хотел показать? Зеркало?

— Да! Ты сама не хотела... а теперь злишься...

— Маленький, я не злюсь... — она протянула руку и коснулась зеркала. Кончики пальцев упёрлись в неумолимое стекло. — Как ты это делал? Я не могу...

— А я могу! — Славка повторил движение матери, и его крошечные розовые пальчики без усилий погрузились в стекло, как в воду. — Видишь? Я могу ходить туда и обратно...

Лариса обнимала его, чувствуя, что ещё минута — и она свалится в обморок.

— Славочка, деточка, а ты... ты проходил туда полностью?

— Да! Я играл там! — мальчик попытался вырваться и показать, как это — играл там, но мать держала его крепко. — Там есть и ты, и папа, но бабушки там нет, а папа добрый и любит тебя... и меня там нет... вы вдвоём живёте...

— Нет бабушки? — Лариса чуть не засмеялась. — А где же она? Бабушки не может не быть, она... как времена года... она везде...

— Не знаю, — хмыкнул Славка. — Там есть дедушка. Он очень добрый! Когда он приходит к вам в гости, всегда приносит вкусное. А бабушка умерла, когда папа был маленький... от пенди-ци-та...

— Аппендицита, — машинально поправила Лариса.

— Ага. Он у неё лопнул. На даче.

Ей стало страшно. И тоскливо. Так тоскливо и так страшно, что, прижав к себе сына, она стала тихонько подвывать.

Двадцать шесть лет назад у свекрови на даче случился разлитой перитонит. Её спасли чудом — мимо проезжали военные медики, возвращавшиеся с учений.

Но мальчику в их семье об этом никто никогда не рассказывал — чтобы не травмировать.

— Ну, вот. А потом он рассказал про твою маму и про то, что она тогда умерла от перитонита, — Лариса закончила свой рассказ и посмотрела на мужа снизу вверх. Они были одного роста, но она всегда смотрела на него так.

— Эта дрянь ещё цела? — отрывисто спросил Андрей.

— Ты про кого?!

— Не про «кого», а про «что». Про зеркало.

— Андрюша, ну, представь, как бы отнеслась твоя мама, если бы я разбила или выбросила её зеркало...

— М-да.

Надо сказать, что Андрей не питал к своей матери особо тёплых чувств. Впрочем, к жене в последнее время — тоже. Пару раз Лариса краем уха слышала, как он говорит по мобильнику в ванной — интересно, с кем? Не с начальником же. Говорить по мобильнику в ванной, включив душ, можно только с женщиной, чтобы не услышала жена.

Впрочем, она знала, что Андрей не бросит её и Славика. В их семье не принято бросать жену с появлением любовницы. Свёкор, румяный, улыбочивый дядька, к которому Лариса относилась почти так же, как к своему отцу, стал исключением, поэтому его никто не называл иначе как «старый козёл». Он развёлся со свекровью много лет назад и женился на своей секретарше — теперь они живут далеко и заезжают редко.

Остальные держались в рамках. Старший брат Андрея, отец уже троих сыновей, не пропускал ничего, что дышит, при этом даже не помышляя о разводе.

Младший женился совсем недавно, но тоже гулял от жены, беременной на седьмом месяце.

Ещё один младший брат, пока не женатый, менял девушек раз в месяц — при этом, когда ему хотелось бросить очередную пассию, он рассказывал сказки о том, что мать умирает, ей нужен уход, и сейчас не до любви...

— Пошли, — сказал Андрей.

— Куда?

— Посмотрим на эту дрянь. Что-то мне не верится.

— Скажи, а сейчас что ты чувствуешь?

Славка, ручонка которого уже по плечо ушла в зеркало, улыбнулся.

— Меня там трогают. Кажется, это ты, мама. Очень ласково трогают за руку. Они разговаривают.

— Кто? — нетерпеливо спросил Андрей.

— Ты и мама, — пояснил Славик. — Только не вы, вы другие там. Мама говорит: «Надо его оттуда достать. Это же интересно!». А ты ей отвечаешь: «Лорик, ну что значит «достать»? Чужой ребёнок. Неизвестно, как он туда попал. А если его будут искать?».

— Лорик, — хмыкнул Андрей.

Лариса поморщилась. В последнее время муж, когда-то обожаемый, стал её раздражать — и она ловила это раздражение с почти благоговейным чувством. Ведь если пройдёт любовь — эта чёртова любовь к мужчине, достойному разве что жалости, — то можно будет вздохнуть на раз-два (как учил отец), собрать сумку и уехать в родную Вологду, в маленький дом на окраине, где уютно топится печка, где пахнет пирожками, где папа и бабушка пьют чай на веранде, а кот Самсон (старый, толстый и жадный)

душит соседских цыплят. А потом приходит участковый и смешно угрожает судом, а папа платит за убитую птицу и грозит коту кулаком, и морщинки у папиных глаз такие добрые...

— Ты оглохла?! — резкий голос мужа вернул её к реальности.

— Что?!

— Я говорю, сейчас сниму это проклятое зеркало и отнесу его на помойку.

— А твоя мама...

— Как-нибудь переживёт.

Лариса кивнула. Сейчас, когда она вдруг ощутила, что перестаёт любить мужа, ей хотелось со всем соглашаться, лишь бы не спугнуть это чувство.

— погоди! — крикнул Славка. Он защищался свободной рукой, отгораживаясь от отца, такой маленький и беззащитный, что сердце у Ларисы дрогнуло.

«Ни за что не оставлю его! — подумала она. — Заберу, воспитаем нормальным человеком. Научим любить животных и уважать людей. Он вырастет в любви...»

Лариса вспомнила, как Андрей утопил котёнка, которого Славка принёс из детского сада. Просто утопил в ванне, отмахиваясь от рыдающего сына, как от мухи. Славка плакал тогда целую неделю, плакал непрерывно — не ел, не спал, только плакал, сжавшись в комок под одеялом. Его пришлось даже везти к детскому психоневрологу, и доктор, добродушный толстый мужик, сказал: «У мальчика никаких психических нарушений нет. И даже нервных нет. Но будут, это я вам обещаю как врач. Котёнка утопили? Ну, молодцы, гуманные люди, что ещё вам сказать...» Ларисе было тогда стыдно и страшно. Свекровь ещё добавила: «Подумаешь, какой-то паршивый котёнок. Драный, уличный, блохастый. Правильно, что Андрей его утопил, зачем нам в доме эта зараза?».

А маленький мальчик бился в истерике и отчаянии неделю, и теперь каждый котёнок на улице вызывает у него горечь и жалость. Иногда он плачет: «Мама, а мы не можем взять эту киску? Папа её утопит, да?».

— ...Там так хорошо! — говорил Славка. — Только там всё наоборот! Здесь ты стоишь тут, а мама — тут. А там мама стоит тут, а ты — тут, — он показал, где кто стоит. — Понимаешь? Наоборот,

как в зеркале. У мамы родинка на лице не слева, а справа. И она такая красивая... худенькая... и улыбается... и ты такой добрый!

— А разве здесь я не добрый? — удивился Андрей, и Лариса вдруг подумала, причём подумала с хорошо различимым злорадством, удивившим её саму, что Славка того котёнка не простит отцу никогда.

— Нет, — грустно ответил Славка. — Ты здесь злой. Ты много работаешь. Я тебе не нужен, и мама тебе не нужна. Ты сам себе надоел, папа. Ты здесь больше не клеишь самолётики.

Андрей вздрогнул.

— Тебе мама рассказала, что я раньше это делал?

— Нет, я это видел. Там, у других тебя и мамы, везде эти самолёты. На стене, на потолке...

— И что делать?

— Не знаю. По идее, надо от него избавиться. Но эти самолёты... и то, что он говорил про нас с тобой... про мать... не знаю.

Впервые за всю семейную жизнь Андрей не знал, что делать. Он сидел напротив Ларисы и смотрел на неё беспомощным, злым, раздражённым, растерянным, потерянным — но таким человеческим взглядом. Лариса снова почувствовала, что любит его, и эта мысль привела её в отчаяние. Где есть любовь, там нет шанса к бегству. А так хочется сбросить это ярмо, уехать к папе, забрать ребёнка, не думать больше о том, что скажет свекровь...

— Делай что хочешь, — вырвалось у неё. — Хочешь — разбей это зеркало или выкинь на помойку. Какая разница? Ты при всём желании не можешь поменяться местами с тем Андреем, которого Славка видит за зеркалом.

Ей хотелось добавить: «Он видит там идеальный мир. Идеальных супругов, которые не заводят ребёнка, совсем им не нужно. Которые любят и уважают друг друга. В том мире женщину не считают вторым сортом из-за того, что она приехала из Вологды, и не заставляют её унижаться, лишь бы угодить старой вздорной бабе. В том мире мужчина не убивает беззащитных котят из-за того, что у них блохи. Там тебя, Андрюша, воспитал отец — единственный адекватный человек в вашей семье. Там мне есть за что любить тебя — да хоть за то, что ты в тридцать восемь лет ещё клеишь модели самолётов. Конечно, Славке нравится там больше».

Но она, как всегда, ничего этого не сказала.

Оглушительный звон разбитого стекла заставил их мгновенно вынырнуть из снов.

На то, чтобы добежать от кровати до зеркала, Ларисе хватило секунды. И секунды же хватило на то, чтобы понять: зеркала больше нет.

Свекровь, растрёпанная, в ночной рубашке, стояла с молотком и повторяла как заведённая:

— Бред это. Бред это. Бред это какой-то...

— Мама, вы что? — Лариса схватила её за локоть.

— Как это — я умерла? — словно во сне, пробормотала свекровь. — Я не могу умереть. Подумаешь, какой-то аппендицит. И как дети без меня? Идиотизм. Глупое, дурацкое зеркало!

— Мама, вы что, слышали наш разговор?

— А если и слышала, то что? Я у себя дома, и...

— Зачем вы его разбили? Славка...

— Что Славка? Детские фантазии. Напридумывал себе чего-то.

— Зачем вы его разбили? — повторила Лариса. — Вы же сами говорили, это ваша фамильная реликвия...

— Я одинокая. Старая, — усмехнулась свекровь. — Ты меня не любишь, я знаю... Андрею я надоела... Даже твой ребёнок — и тот меня не любит. И вы хотите лишить меня последнего — того мира, где я счастлива? Где вышла замуж по любви, а не из-за квартиры, и где я живу как человек? Хрен вам! Лучше уж я сама...

У Ларисы от удивления округлились глаза:

— Так вы... тоже?.. Вы тоже ходили туда, в своё зазеркалье... и вам было там хорошо?

Свекровь не успела ответить, потому что к ним подошёл злой Андрей, в мятых трусах и с отросшей щетиной.

— Господи, как же вы меня достали, милые дамы... своими бабскими истериками...

Ларисе стало вдруг смешно, так смешно, что она не удержалась и фыркнула в кулак.

— Что ты ржёшь, идиотка?! — заорал Андрей.

— Так, ничего...

Она набрала мобильный отца и, едва дождавшись его ответа, скороговоркой произнесла:

— Папа, я хочу вернуться. Можно?

— Мой милый сибирский кот! — сонный отец так обрадовался, что сразу проснулся. — Ну, конечно! Моя девочка!.. Конечно! Сейчас же бери билет, бросай своего придурка и приезжай! Я тебя жду! Потом всё расскажешь!

— Папа! — Лариса с трудом удержала слёзы. — Спасибо, папа! Я люблю тебя!

— Я тоже тебя люблю, малыш. Давай дуй домой. И сына не забудь! Давно хочу на него посмотреть!

— Ты с кем говоришь? Куда это собралась? — буркнул Андрей, заходя в кухню.

Лариса не обратила на него внимания и продолжала:

— Да, папа, завтра мы будем. Я сейчас поеду и возьму билеты. Завтра. Встречай нас. Я тебе позвоню и скажу, какой у нас номер вагона.

— Ну и слава богу, — вздохнул отец. — И вообще, ты лишаешь меня общества внука, а я этого не заслужил. Между прочим, это мой внук! Он даже на меня похож! У него родинка, как у меня, на левой щеке!

Лариса похолодела.

— На... левой? — чужим голосом спросила она. — Точно на левой?.. Папа, вспомни, это очень важно!

— Ну, конечно, на левой — у меня фотографии есть! А что такое?

Лариса уронила трубку и сидела, глядя себя по плечу, чтобы хоть как-то успокоиться и избавиться от ужаса, охватившего её. В дверях кухни стоял сын, заспанный, лохматый, милый, и на его правой розовой щёчке темнела их «фамильная» родинка — словно слеза.

— Славик... с какой стороны у тебя сердце?

Он показал, с какой.

— Папа, я перезвоню, — медленно проговорила Лариса в трубку и нажала отбой.

Ей стало очень страшно. ❏

С СЕРДЦЕМ И ЧЕСТЬЮ

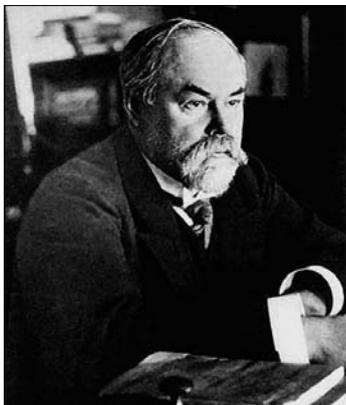
Татьяна Харламова

«Ухарь-купец, удалой молодец!»... Рубаха-парень, гуляка с широкой душой, любитель выпивки и кулачных боёв или этакий мрачный и невежественный самодур из пьес Островского и Горького — таким представляется образ русского купца XIX века. На самом же деле купечество — это огромный пласт в истории нашего общества, сыгравший немаловажную роль в развитии и процветании России, славившейся своими достойными сынами из купеческой среды.

Каким же оно было в начале XIX века?

«Я жил в такое время, — писал Константин Станиславский, — когда в области науки, искусства, эстетики началось большое оживление. Как известно, в Москве этому немало способствовало тогдашнее молодое купечество, которое впервые вышло на арену русской жизни...»

О московском купечестве следует сказать особо. В его родословной существовала сложная иерархия. На первом мес-

П. И. Щукин (1853–1912).
Москва, 1906 г, фототипия.
www.museum.ru

те стояли пять семей, из рода в род сохранявших большое влияние в промышленной и общественной жизни. Это Морозовы, Бахрушины, Найдёновы, Третьяковы и Щукины. Потом шли семьи Прохоровых, Алексеевых, Шелапутиных, Куманиных, Солдатёновых, Якунчиковых, Абрикосовых, Кузнецовых, Мамонтовых, Оловянишниковых, Боткиных.

Наряду со своими торгово-промышленными делами они вплотную интересовались и искусством. Павел Третьяков, например,

создал знаменитую галерею, которую подарил городу. С утра до ночи он работал в конторе и на фабрике, а вечерами встречался с художниками, в которых чувствовал талант. Картины их попадали в галерею, и вскоре они становились знаменитыми. Третьяков постоянно поддерживал их, но меценатствовал с необыкновенной скромностью...

Сергей Иванович Щукин собрал галерею французских художников нового направления, куда допускались бесплатно все, кто интересовался живописью. Алексей Бахрушин учредил на свои средства единственный в стране театральный музей. Савва Иванович Мамонтов был одновременно и певцом, и режиссёром, и драматургом, и меценатом в живописи, и строителем русских железнодорожных линий. Какие личности, какой размах!

Вот представьте себе...

...На массивном семейном столе затеплились свечи. Расстегая, блины с икрой, солёные огурчики, яблочный пирог — обычный купеческий обед начала прошлого века. Многочисленное семейство стоит у стены. Никто за стол не садится. Бахрушин-старший распахивает дверь и быстрыми шагами направляется к креслу во главе стола. Теперь можно сесть и ос-

А. А. Бахрушин, до 1900 г.

тальным. Младшая дочь читает молитву, и все приступают к трапезе.

Это не обед, а некий обряд, таинство общения. За большим овальным столом в окружении многочисленной семьи надёжность и защищённость приобретают особую остроту...

Так жили не только Бахрушины, а почти все крупные купеческие династии. Аскетичный быт, мудрая и строгая дисциплина помогали быстрее добиться успеха, сохранять и передавать

от поколения к поколению семейное дело. Один из братьев Рябушинских справедливо заметил, что родовые фабрики были для купцов тем же самым, что родовые замки для средневековых рыцарей. На этих семейных кланах держалась экономика России. Братья Рябушинские даже создали своего рода табель о рангах сотрудников, которых в первую очередь надо было принимать на работу:

1. с сердцем и честью,
2. умные,
3. осторожные,
4. деловые,
5. хитрые,
6. непосредственные,
7. глупые,
8. ленивые,
9. недобросовестные.

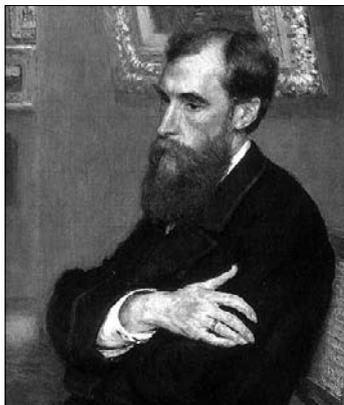
Многие известные купцы начинали с нуля, трудясь в поте лица. Богатство нелегко доставалось. Например, Савва Морозов, будучи крепостным деревни Зуево Богородского уезда Московской губернии, устроил небольшое ткацкое заведе-

ние, где работала его семья. Только через двадцать три года он сумел выкупить себя и своих сыновей из неволи. Потом Морозов купил землю на берегу Клязьмы вблизи Орехово и перевёл туда свою фабрику. К концу XIX века Морозовы владели несколькими фабриками, которые объединялись в четыре крупные фирмы. Младший брат Саввы, Сергей Морозов, финансировал журнал «Мир искусства», а основанный им Музей кустарных изделий в 1903 году был пере-

ведён в Леонтьевский переулок, он существует и по сей день как Музей народного искусства. В доме на Смоленской площади, принадлежавшем Маргарите Морозовой — известной меценатке, попечительнице образовательных учреждений, ученице знаменитого композитора Скрябина, — располагался популярный литературно-музыкальный салон...

Или взять, например, семью купца Оловянишникова. Товарищество «Оловянишников П. И. и сыновья» занималось в основном колоколотейным делом — отливали в Ярославле лучшие колокола России. В Москве Оловянишниковы владели фабрикой церковной утвари, изготовляли краску, белила, которые экспортировались в Германию. Они сотрудничали с лучшими художниками. Ведь качество для фирмы было делом чести.

А вот купеческую семью Хлудовых постигла настоящая трагедия. Купец Алексей Хлудов, по отзывам современников, был человеком неподкупной честности, отличавшимся колоссальной работоспособностью. Он оставил потомкам богатейшее собрание древних русских рукописей и печатных книг. К сожалению, его любимый сын Михаил не последовал традициям семьи, у него была совсем другая слава. Модный журнал того времени «Развлечение» не раз печатал на обложке рисунки, изображающие молодого пьяного купца. Удалец и силач,

И. Е. Репин, *портрет*
П. М. Третьякова, 1883 г.

С. Т. Морозов (1862–1905)

страстный охотник и искатель приключений, младший Хлудов умер в сумасшедшем доме...

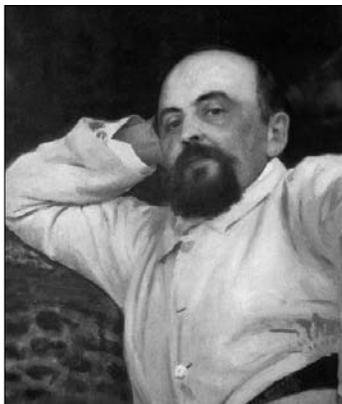
Особую роль в купеческой семье играла женщина. Как правило, купцы брали жён из своих же кланов, что делало купеческую касту ещё более сильной и замкнутой. Купеческие дочери отличались не только красотой, дородностью, но и образованностью, силой характера, умом и хваткой — было в кого! Они выполняли в семье роль полноценной «половины»:

вели хозяйство, воспитывали детей и пользовались тем же авторитетом, что и хозяин. Например, после смерти Алексея Фёдоровича Бахрушина его вдова Наталья Ивановна продолжала дело с тремя сыновьями и вела его твёрдой рукой, намного увеличив бахрушинские капиталы. Варвара Алексеевна, урождённая Хлудова, после смерти своего мужа Абрама Морозова развернула бурную благотворительную деятельность и сыграла огромную роль не только в московской, но и в российской культурной жизни. Она создала Пречистенские курсы для рабочих, поддерживала театры и библиотеки. Анна Абрикосова известна как организатор русского католичества в Москве. И таких примеров множество...

Все эти внешние или бытовые традиции, о которых рассказывалось выше, остались в далёком прошлом — другая жизнь, другой ритм. Сегодня же потомки знаменитых купеческих семей делают очень многое для возрождения родословной известных фамилий купеческих родов. Одним из инициаторов этого возрождения является Николай Евгеньевич Прянишников, потомок купца Оловянишникова, фирма которого отливала самые лучшие колокола в России. Он активно участвует в организации фестивалей колокольного звона — сейчас, в свя-

зи с возрождением колоколо-литейного производства, это наследие очень актуально. Почти каждый год в Ярославле проходят «Оловянишниковские чтения», на которые собираются технологи и звонари со всей России.

А в московском Музее меценатства и русского купечества продолжается работа над созданием своеобразной «Бархатной книги русского купечества», задуманной ещё Александром I, и проводится множество благотворительных мероприятий. Например, Вера Михайловна Зимина подготовила великолепную выставку «Опера Зимина». Сегодня мало кто помнит и знает о прекрасном человеке и меценате Зимине, банкирах и меценатах Рябушинских — да и не перечислишь все имена купеческих семей, которые внесли свою лепту в процветание российских городов и деревень, в улучшение благосостояния людей. Но самое главное — в руках потомков остались уникальные архивы и семейные фирменные секреты. Это бесценное наследие извлечено сегодня из пыльных сундуков, ведь дарить — в лучших традициях купечества... ☐

И. Е. Репин,
портрет С.И. Мамонтова, 1880 г.

P.S. Всем, кому захочется подробнее ознакомиться с историей московского купечества, рекомендуем побывать в Музее меценатства и русского купечества. Адрес музея: Москва, Донская ул., 9.

ДЕЛО ЖИТЕЙСКОЕ

Евгения Гордиенко

В городе Стокгольме есть район Вазастан. Он, в отличие от многих других районов древней шведской столицы, знаменит на весь мир. Но прославился район вовсе не тем, что там жил какой-нибудь знаменитый полководец или учёный. Там жил (и, возможно, живёт до сих пор) в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил — Карлсон, который живёт на крыше и которого придумала великая сказочница, к своим 95 годам так и не повзрослевшая. Астрид Линдгрэн.

Астрид, тогда ещё Эрикссон, родилась 14 ноября 1907 года очень далеко от Стокгольма, на хуторе Нас, недалеко от Виммербю. Эти места и сегодня называют мрачными, а уж в начале прошлого века жизнь здесь была просто-таки пасторальной. Позже, уже достигнув того возраста, когда воспоминания не причиняют боли, Астрид вспоминала: «Родители любили друг друга с 9 лет. И каждый день отец благодарил бога, пославшего ему такую жену. Мама умерла раньше него, и он каждый день благодарил бога, что горечь одино-

чества досталась ему, а не ей... Жить в тени такой любви было огромным счастьем...»

Маленькая Астрид, в отличие от старших двух сестёр и брата, была ребёнком чрезвычайно активным и подвижным. И, несмотря на это, обожала читать. Ещё больше ей нравилось писать — её сочинения славились на всю округу. Ей прочили славу знаменитой шведской писательницы Сельмы Лагерлёф, но саму Астрид такая перспектива, откровенно говоря, не радовала. Она считала, что писатель — книжный червь, обречённый всё время проводить за письменным столом. А лишаться радостей жизни вовсе не хотелось. Не хотелось настолько, что юная фрекен Эрикссон едва не опозорила свою семью, забеременев в довольно раннем возрасте. И если к этому факту её родители — рассудительные крестьяне — отнеслись довольно спокойно, то тот факт, что девица отказалась выходить замуж за отца своего ребёнка, поверг общественность в шок.

Однако герр и фру Эрикссон поддержали дочь. Они дали ей денег и отправили подальше от досужих пересудов — в Стокгольм.

В столице поначалу юной Астрид пришлось очень нелегко. Родив сына Ларса, она, не имея финансовой возможности воспитывать ребёнка, была вынуждена отдать его в другую, более богатую датскую семью, с тем чтобы после, встав на ноги, забрать его. Что значит для молодой матери отдать своего ребёнка в чужие руки, объяснять не надо. Она чувствовала себя полностью потерянной и писала брату Гуннару: «Я одинока и бедна. Одинока потому, что так оно и есть, а бедна потому, что всё моё имущество состоит из одного датского эре. Я страшусь наступающей зимы».

Однако вскоре природный оптимизм Эрикссонов возобладал в Астрид. Она смогла найти работу в Королевском обществе автомобилистов, где и познакомилась с будущим мужем — Стуре Линдгреном, преуспевающим бизнесменом, чью фамилию она позже прославит на весь мир.

Выйдя замуж, Астрид смогла забрать домой Ларса и вскоре родила второго ребёнка — дочь Карин.

И если дети доставляли будущей писательнице мало неприятностей, то муж, типичный образчик «нового шведа», принёс в её жизнь не так уж много счастья. Он много пил, не осо-

бо утруждался в верности жене, но при этом и много работал, обеспечивая семью и давая жене возможность проявить себя отменной домохозяйкой. С 1952 года, после смерти мужа, Астрид Линдгрэн не раз говорила, что у неё нет ни малейшего желания вступить в брак повторно.

В семилетнем возрасте дочь Астрид Карин серьёзно заболела и была вынуждена несколько месяцев провести в постели. Изнывающий от скуки ребёнок требовал от матери всё новых и новых историй. И когда отчаявшаяся Линдгрэн в очередной раз спросила: «Про кого рассказать тебе в этот раз?», Карин ответила: «Про Пеппи Длинныйчулок».

Даже не уточнив, что это за диковинный персонаж, мать начала рассказывать истории, которые соответствовали бы странному имени удивительной девчонки.

Она рассказывала то, чего никогда не произошло бы в жизни: о том, что можно поднять лошадь, можно доставать деньги из сундука, и они бы там не заканчивались... Рассказывала так, как фантазируют дети, не знающие преград для своего воображения и представляющие себя в мечтах самыми лучшими, самыми волшебными...

В какой-то степени, может быть, это был уход от реальности для самой Астрид. Уже позже, будучи знаменитой на весь мир, когда её возраст перевалил за 90, она продолжала говорить: «Я никогда не буду писать для взрослых!», разделяя точку зрения великого Сент-Экзюпери, что все мы родом из детства, и считая детей гораздо более умными, нежели взрослые.

Впрочем, не исключено, что тут она не ошибалась.

Самой Астрид вскоре тоже пришлось какое-то время провести в постели — в суровый шведский снегопад она сломала ногу. И, чтобы не скучать, решила застенографировать свои рассказы о Пеппи Длинныйчулок (стенографировать она умела ещё со времён своей работы секретаршей). Планировалось подарить рассказы Карин на десятилетие.

Получив материнский подарок, дочь проявила недюжинный талант бизнесмена (видимо, унаследованный от отца). Она практически заставила мать отправить рассказы в крупнейшее стоковое издательство «Бонньер». Однако оттуда рукопись через некоторое время вернули, видимо, так и не распечатав конверт...

Но Астрид было уже не остановить. Она поняла, что писательство — её призвание, и продолжала рассылать рукопись о Пеппи в различные издательства. Наконец издательство «Рабен и Шёгрэн» согласилось первым напечатать историю Пеппи. Мало того, рукопись Линдгрэн признали лучшей на проводившемся в ту пору конкурсе детских произведений. А в 1945-м писательнице предложили должность редактора детской литературы в этом же издательстве. Она приняла предложение и проработала на одном месте до 1970 года, когда официально ушла на пенсию. Здесь же выходили все её книги.

Идею о Карлсоне подсказала, как ни странно, тоже Карин. Она часто рассказывала матери о том, что, когда никого нет, к ней в комнату влетает забавный человечек, прячущийся за картину при появлении взрослых.

Астрид написала о нём рассказ для шведского радио, правда, в первоначальном варианте человечек звался не Карлсоном, а Лильемом Кварстеном, и обладал довольно милым характером. Позже, став героем трёх книг, он сменил имя на Карлсон, потерял милый характер, зато обзавёлся пропеллером и кнопкой.

Когда книжка про Малыша и Карлсона была впервые переведена на русский язык, дети, читатели одной из московских библиотек, написали Астрид Линдгрэн письма о том, как они полюбили её героев — «лучшего в мире Карлсона» и Малыша, который умеет так хорошо дружить. «Я получила твоё письмо, — писала Астрид Линдгрэн, отвечая одной девочке, — и, поверь мне, очень ему обрадовалась. Я никогда раньше не получала писем из Москвы... Летом я живу в Фурусунде,

который находится в стокгольмских шхерах. Мой дом стоит у самого берега моря, и я вижу пароходы, которые идут в Финляндию, а оттуда недалеко до России, где ты живёшь. Сейчас у нас светит луна, интересно, светит ли она у тебя? Я очень рада, что тебе понравился Карлсон...»

Астрид Линдгрэн часто просили написать продолжение «Малыша и Карлсона». Те, кто переписывался тогда с Астрид, давно выросли, и уже их дети смогли прочитать продолженные книги. А многие смогли и напрямую пообщаться с писательницей. Несколько раз Линдгрэн приезжала в Москву. В 1965 году — на Фестиваль детских кинофильмов, среди которых демонстрировался и фильм «Малышка Чёрвен, Боцман и Музес», снятый по её сценарию. И в 1989-м — с премьерой спектакля «Братья Львиное Сердце». (Тогда же, в России, ей была вручена Международная золотая медаль Льва Толстого.)

Уже на протяжении многих лет Астрид Линдгрэн — одна из самых знаменитых женщин Швеции. Её книги переведены почти на 30 языков и никогда не залёживаются на прилавках.

Всю свою жизнь она считала, что дети — самые мудрые на свете существа. И они платили ей ответной любовью. Сын Астрид Ларс уже умер, но есть дочка Карин — «соавтор» многих сказок, — семь внуков и правнуки. Почти до самого последнего своего дня Линдгрэн собирала своё многочисленное семейство и выезжала с ним за границу, играла с детьми, сочиняла вместе с ними разные увлекательные истории, но, как сказала она сама как-то, «старость — отвратительная вещь»...

В 2002 году, после смерти Астрид Линдгрэн, её кандидатуру выдвинули на соискание Нобелевской премии — только не по литературе. Те, кто выдвигал великую писательницу, хотели, чтобы она посмертно получила премию Мира. Как человек, создавший для этого мира столько волшебного и прекрасного. И мир благодаря Астрид Линдгрэн стал чуть светлее и радостнее... ☐

Илья Боровский,
финансовый консультант, 25 лет, г. Уфа

Как говорил Омар Хайям

Как говорил Омар Хайям,
Своё куёшь ты счастье сам,
Каков огонь — таков накал,
И сколько сил труду отдал,
Таким и будет материал.
Мудрец не лгал!

Как говорил Омар Хайям,
Во всём настойчив будь, упрямя,
Не дай вчерашним похвалям
Затмить твой разум тут и там.
Он цену знал таким вещам,
Поэт не лгал!

Не раз твердил Омар Хайям:
Не верь словам, а верь делам.
Слова на свадьбе хороши,
А вот делами не грехи!
Мудрец всё знал.

И говорил Омар Хайям:
Веди учёт былым годам.
Ступай по праведным следам,
Но перед тем построй свой храм.
Поэт всё знал!

Людмила Кушпель

Презентация убийства

Журнальный вариант

ЧАСТЬ 3

Глава первая,

*в которой основными
героями становятся
две собаки – Джой и Лайт*

На воротах «Волковки» висела клеветническая табличка «Осторожно, злая собака». Явно клеветническая, поскольку Джой при своих внушительных габаритах обладал добрейшим нравом, благородством и недюжинным интеллектом. Варвара сидела перед ним на корточках без малого полчаса и безуспешно умоляла:

— Джой, дорогой, ну, пожалуйста, выйди из будки!

Лохматая кавказская овчарка, походя на медведя, благосклонно взирала на неё умными карими глазами, но уговоры игнорировала. Варвара не сомневалась: Джой отлично понимал, чего она от него добивается, и догадывался, что настал его

звёздный час. Она проклинала тот момент, когда её угораздило устроить тайник для архива Богдана под будкой Джоя.

Володя Волков шаманил поодаль у дымящего мангала, откуда доносился вкусный аромат печёного мяса, смешанный с едким дымом.

Аркадий Карелов, как и грозился, не отпускал Варвару ни на шаг — привёз её в Баложи на своём «мерсе» и сейчас задумчиво курил, живописно развалившись в садовом ажурном кресле. Зося хлопотала, накрывая стол на веранде.

Варвара перешла на откровенные взятки и лесть. Растроганный пёс по-щенячьи повизгивал, охотно принимал и косточку, и кусок мяса, и резиновый мяч с пищалкой, даже подавал лапу, но из будки не вылезал, хоть подъёмный кран вызывай.

Варвара совершенно отчаялась и взмолилась:

— Володя, я сдаюсь! Хелп!

— Зось, давай я Джоя отвяжу и прогуляю? — закинул удочку Володя.

— Забираю моё алычовое варенье и ухожу жить к Ваве! — немедленно объявила войну Зося. — И гуляй сам, и сам с соседями разбирайся...

— Тогда остаётся одно, — вздохнул Волков, — будку ему вымыть. Ходь сюда, жена, смени меня у мангала.

— Я сменю, — откликнулся Аркадий, поднимаясь с кресла. — Ты только меня проинструктируй.

— Отлично, — обрадовалась Варвара, — а я пока Зосе помогу.

— Всё уже на столе, — сообщила хозяйка. — Салат из креветок, форшмак, соте, картошка, помидоры, огурцы, клубника с грядки. Можем, Вава, кофе с тобой выпить.

Феликс сидел перед раскрытым ноутбуком в своём кабинете и писал отчёт о проделанной работе. За отсутствием клиентов — самому себе.

Итак, он вычислил киллера, знал его в лицо, выяснил биографию, раскрыл его планы, имел веские улики, доискался заказчиков. Невероятно, чтобы Крохин после убийства Урала продолжал оставаться в Москве.

Следователь Земянов лучился оптимизмом:

— Не просчитается твой Крохин! Вся информация в компьютере. На границе его схватят на раз!

Но Феликса терзали сомнения. Как говорится, на бога надейся... Он очень рассчитывал на успех своего «тройского» керри-блю-терьера. Если Крохин позвонит матери, она обязательно сообщит, что его искал Феликс и про всю эту выдуманную им чушь об уроках бриджа. И как тототреагирует? Скорее всего, попросит не говорить о звонке.

Он набрал номер Сандры. Та ответила простуженным голосом.

— Вы не заболели? — участливо поинтересовался сыщик.

— Да вот, слегла с ангиной, — сокрушённо призналась

Сандра.

— Можно, я вас навещу? Может, лекарств принести или продуктов? Молока?

— Спасибо, Феликс, у меня всё есть.

— Вы не стесняйтесь, говорите, что нужно.

Сандра засмеялась и сразу закашлялась.

— Я не стесняюсь, мы же с тобой теперь вроде как родственники — собачьи...

Феликс не замедлил поймать её на слове.

— Может, с Лайтом пойти погулять?

Женщина искренне обрадовалась.

— Тебе правда нетрудно будет?

Пока Володя чистил собачью будку, счастливый пёс бегал «по цепи кругом» и всё порывался благодарно лизнуть ему руку. Варвара тем временем усердно копала ямку. Наконец наткнулась на свой давний тайник и не без труда извлекла из-под земли тяжёлый металлический ящик-сейф с архаичными дискетами и документами.

Аркадий, наблюдавший за ней, заплодировал и бросился на помощь.

— Ну, как тебе моя идея? — похвалилась она.

— Гениально! Фиг догадаешься. Отнести ящик в машину?

— Только скорее, шашлык остывает! — предупредил Волков. — А потом я баньку приготовлю — ждём Рихарда с Алиной, они и Катюку с Димой подвезут... Оттянемся по полной!

— Не сердитесь, но я сегодня домой, — виновато возразила Варвара. — Мне с этими дискетами работы — до зелёных чертей.

Внезапно зазвонил её мобильник.

— Варвара! — раздался голос Феликса, всегда произносившего её имя, как боевой клич, с раскатистыми «р-р-р». — Ты мне нужна до зарезу.

— Я у Волковых, а что за «зарез»?

— Мне как раз с Володей надо поговорить. О Крохине. Он только что прибыл в Штаты! Я буду минут через пятнадцать!

Ровно через четырнадцать минут BMW Феликса показался в воротах Волковки. Детектива, не обращая внимания на его отговорки, усадили за стол.

— Сначала поешь, небось за пять минут конец света не наступит! — заявил Володя, грозно шевельнув пышными усами.

— Я не могу. Разве что кофе...

— Горячий, крепкий и сладкий? — подхватила Зося, прекрасно осведомлённая о его пристрастиях. — И покурить? Пойду сделаю кофе, только без меня, чур, ни слова!

Феликс задумчиво извлёк из кармана портсигар, пользуясь паузой, чтобы привести в порядок мысли и чувства. Он мог благодарить свою интуицию — на записывающем устройстве, извлечённом из ошейника Лайта, зафиксировался телефонный разговор. Виктор сообщал матери, что прибыл в Нью-Йорк, и спрашивал, кто его разыскивал. Сандра правдиво отвечала: никто, кроме Феликса, который заплатил ей за уроки по бриджу, и она должна знать, куда ему перевести деньги — сто латов. Виктор разрешил деньги оставить себе, а о его звонке запретил рассказывать кому бы то ни было, Феликсу — в особенности. И пусть не беспокоится, если от него долго не будет вестей — он записался в американскую армию, по контракту, на три года.

Как Феликс и предполагал, Сандра сказала ему, что Виктор не объявлялся. А прослушав дома запись, Феликс тут же позвонил следователю Земянову.

— Валера, Крохина пропустили в Штаты! Что на это скажешь?

— Плохо, дружище. Значит, у киллера приличная ксива и запасной фейс. Откуда «дровишки»?

— От мамы, вестимо.

— Такие доверительные отношения?

— Такая хорошая техника. Он звонил матери из Нью-Йорка. Ещё сообщил, что записался в армию США, по контракту.

— Ого! Это просто подарок он нам сделал. В международном корпусе вряд ли много русских. Тщи свои записи ко мне в Управу, я туда сейчас подгребу. Теперь пусть американский Интерпол подсуетится. Заграница нам поможет!

...Покидая кабинет Земянова, Феликс попросил его быть на связи.

— Если повезёт, выясню адрес Крохина уже сегодня, — пообещал он на прощанье.

Феликс быстренько ввёл присутствующих в курс текущих событий. Сделав последний глоток кофе, попросил освободить ему уголок для ноутбука, раскрыл компьютер на коленях и загрузил файл с фотографиями Виктора Крохина.

— Посмотри внимательно, Володя. Узнаёшь эту личность? Володя близоруко прищурился.

— Надо сходить в дом за очками. Я мигом.

— А ты, Варвара?

Варвара, сидевшая рядышком, с Аркадием в обнимку, невольно поёжилась и теснее к нему прижалась.

— Он самый, «помощник» Урала. Его убийца.

— Да нет, вы все ошибаетесь, — вмешалась Зося, вглядываясь в изображение на дисплее. — Это же Полькин массажист, как его — Виктор. Точно! У меня зрительная память — видеокамера! — она обернулась, ища поддержки у подошедшего мужа. — Скажи, Володя!

Модные очки без оправы делали грубоватое лицо Волкова менее брутальным, добавляя ему респектабельности.

— Похож на Виктора, — уверенно определил он. — А чего он натворил-то?

— Фамилию знаете? Чем занимается? — упорно выяснял Феликс.

Зося всполошилась не на шутку.

— Убийца?! У моей Полины в салоне работает убийца? Я так и знала, знала, что эти твои карты нас когда-нибудь погубят!

— Да карты-то тут при чём! — с досадой воскликнул Володя. — Бридж — самая интеллигентная игра, это как шахматы...

— А к нашему берегу что ни прибьётся... — не унималась Зося. — Сделайте же что-нибудь!

— Уже делаем, — уверенно отозвался Феликс. — Нужна только ваша помощь. Дайте адрес и телефон салона.

— Сейчас схожу за визиткой, я точно не помню, как это пишется... — всё ещё испуганно откликнулась Зося и поплыла в дом.

А Феликс продолжал:

— Володя, расскажи, когда и где в последний раз видел Виктора Крохина.

— Такого я не знаю... — обескураженно пробормотал Волков.

— Так этот парень на фотографии и есть Виктор Крохин.

— А... Ясно. В последний раз я видел его — или человека, очень на него похожего, — в январе этого года, в США, в городе Уэлсли, штат Массачусетс. Он работал массажистом в косметическом салоне двоюродной сестры моей жены Полины Мэрсон. В Риге мы изредка встречались за картами. Я знал его только по имени...

— Припомните, ребята, ваша родственница — как она вам его представляла? — настаивал Феликс.

— «Лучший специалист по шиаци!» — снова вмешалась Зося, уже успевшая приплыть обратно и вручить ему визитку кухни. — Я отлично помню. Даже имени не называла. Это у неё, наверное, профессиональное — привыкла осторожничать со своими работниками, чтобы они клиентов себе не забирали... Ну, вот. Полина отправила Волкова в массажный кабинет и сказала: «Я дам ему лучшего специалиста». И появился этот вот красавец. Когда он скрылся за дверь, я услышала, как Володя закричал: «Виктор! Привет! Ты что здесь делаешь?» — а потом что-то вроде: «Я заказывал массаж, а не партнёра по бриджу». Тот ответил: «Вот, мол, подрабатываю, курсы закончил». Во время массажа они разговаривали, и я всё слышала — дверь плотно не прикрыли. Потом этот ваш... закончил массаж и ушёл. Это точно он, одно и то же лицо, хотя тогда он был в косынке и в халате, и я его волос не видела...

— Полина ведь должна знать фамилию своего работника, — сообразила Варвара.

Феликс протянул Зосе мобильник.

— Позвони сестре! Скажи, что ваш с Володей знакомый скоро будет в Штатах. Что ему рекомендован китайский массаж, и он интересуется, как можно заказать массаж именно у Виктора. Только ничего больше не говори, чтобы не спугнуть.

— Поняла! — с важным видом кивнула Зося и тревожно взглянула Феликсу в глаза: — Думаешь, он для Поли не опасен?

— Уверен. Тем более что вряд ли он ещё там работает.

— Так зачем же я звоню?

— Чтобы выяснить, под какой именно фамилией Крохин официально проживает в Штатах. Постарайся провести беседу как можно непринуждённое...

— Ясно. Всё, тихо! Соединили...

Без малого полчаса Зося обменивалась с кухней бесценной информацией о погоде и моде, наконец, перешла к главному:

— Чуть не забыла! Один наш с Володей знакомый хочет записаться к твоему массажисту, Виктору... Как его... Блохин? Да, к Виктору Блохину. У него давняя травма позвоночника, и мы ему посоветовали... Не можешь пока? Он сейчас в Нью-Йорке? На чемпионате по бриджу? А где именно? Как-как? В отеле «Скоттленд-плаза»? Хорошо, он заполнит анкету-заявку на вашем сайте в Интернете. Пока, а то у меня батарейка садится! — и с важным видом захлопнула крышку мобильного.

Феликс тем временем уже разыскивал в Интернете информацию о нью-йоркском чемпионате по бриджу. Не отрываясь от экрана, он поднял большой палец:

— Гениально! Интерпол отдыхает на пенсии!

— ...Что будешь делать, Феликс? — спросила Варвара, прощаясь возле «мерса» Аркадия с детективом.

— Полечу в Штаты. Пока Сильвия и Нора в безопасности в Стокгольме. Виза у меня, слава богу, многократная.

— Ты с ума сошёл? К самому чёрту в зубы?

— «Чертям» я в настоящее время живой нужен. А Крохин-Блохин, если его прямо сейчас не перехватить, уйдёт в армию. Потом гоняйся за ним по всей планете... У меня есть план.

— И куда ты сейчас?

— Снова в Управу, потом — за билетами в аэропорт. А ты?

— Домой, разбираться с архивом Богдана. Скажи, а ты знал, что «Экстрим-тур» связан с «серыми полковниками»?

Феликс огорошено встряхнулся:

— И ты про «Экстрим-тур»?! Куда они только не пролезут!

Эти ребята, они возникли как мухоморы после дождя, стоило только Баронессе выиграть судебный процесс. Её адвокаты заказали ей билеты в Ланго-Ланга именно в представительстве

этой фирмы. А филиал африканский засел в нашей усадьбе. Так что у тебя за дела с «Экстрим-туром»?

Варвара вкратце обрисовала проблему. Феликс почувствовал: тут кроется что-то важное.

— Я заскочу к тебе перед отъездом. Будут новости — сразу звони. Пожелайте мне ни пуха!

Глава вторая,

*в которой складывается
отнюдь не игрушечный «пазл»,
после чего Варвара разыскивает
новые фрагменты в офисе
фирмы «Экстрим-тур»*

Когда Варвара работала у Богдана Боровича, ей пришлось много чего навидаться. Под её рабочим столом, бывало, стояла спортивная сумка, полная «калашей», в ящиках хранились десятки тысяч «зелёных» денег. Её тогдашнее представление об опасности сильно изменилось. Сейчас она приходила в ужас от собственной наглости, так сказать, задним числом.

...Кавардак первого этапа накопления вроде бы остался в прошлом, но начались кровавые переделы. В средствах массовой информации, с их излюбленными темами «вечных русских вопросов», к сакраментальным «Кто виноват?» и «Что делать?» прибавился новый вопрос: «Где деньги партии?».

Варваре, как экономисту-практику, не составляло большого труда добраться до разгадок этих тайн. Она была способна проследить движение денег и собственности из рук в руки, каким бы причудливым образом ни соединялись в первоначальных капиталах коммерческих предприятий и акционерных обществ партийные и комсомольские деньги с воровскими «общаками» и прословутыми миллионами подпольных цеховиков.

Вот и сегодня — только принялась за работу, и новая сенсация — «Русское пиво»! Нелегальный провоз агрегата без лицензии через латвийскую морскую таможню. Речь шла о том самом изобретении Олега Барсукова — автомате, превращающем пиво в отменную водку трёх степеней крепости, права на производство и распространение которого принадлежали

израильскому предпринимателю. Закупка в Израиле — Юлий Блажевич; морская перевозка — Владимир Новик; получатель в Риге — Жорж Бебрис. Таможня в лице Петра Сенина «дала добро». Она позвонила Феликсу — ей снова требовался его совет.

— Ты когда улетаешь? Сможешь ко мне сейчас подъехать?

— У меня билет на вторник, я как раз хотел напроситься к тебе в гости. Моя Татьяна кучу информации про «серых полковников» накопила. Интересуешься ещё? Я для тебя и Елизаветы скопировал.

— Так Лиза и про «полковников» пишет?

— У нашего скромного репортёра материала теперь на целый роман. Кстати, можешь и ты с ней поделиться. Первая статья в субботу вышла. Я принесу тебе газету.

— Не надо, я лучше попрошу Лизу мне на почтовый ящик прислать.

Когда Феликс примчался, она усадила его в своём кабинете, и они обменялись «фрагментами пазла». Варвара рассказала о пивном автомате Барсукова, а потом похвасталась последним открытием.

— Компромат на капитана полиции Петра Сенина?! Из его славного таможенного прошлого? Ну, дела... Я могу предъявить криминальной полиции платёжку с его подписью? — удивлённо вскинув брови, спросил Феликс.

— Нет, это же «левая» платёжка. А все остальные бумаги — пожалуйста.

— Маловато будет... Но если Пётр на таможне оказывал услуги «серым полковникам», вряд ли они с него слезли. Скорее всего, они его и «отмазали», и в юрмальскую полицию устроили... Андрей Малов, бывший бодигард Бебриса, должен быть в курсе. Поеду-ка навещу этого красавца в СИЗО!

— Подожди, давай попьём кофейку на дорожку...

Они прошли на кухню, Варвара разлила кофе по чашкам, и разговор продолжился.

— Я точно вычислила всех злодеев: Владимир Новик, Юлий Блажевич, Григорий Баранников, Анатолий Капустин... Беда вот в чём: большая часть из того, что я тут нарыла про их подвиги, для суда не годится...

— Постой... Был такой латвийский нефтемагнат по фамилии Блажевич. Это не твой Юлий? Он вынудил нас с Баронессой продать ему наше поместье в Малпилсе...

— Блажевича убрали в 98-м. Кстати, после того, как он съездил в Африку, чтобы оформить концессию на разработку алмазов на территории Намиба. А земельная собственность в Малпилсе до сих пор переходит от одного его друга к другому. Короче, от «Экстрим-тура» мне необходимы сертификаты собственности, учредительные документы и договоры-контракты. И, главное, 16-я ведомость и шестой журнал.

— Это что за звери?

— Это не звери, это главные боги бухгалтерского учёта. Если бы их не было, я бы сама их выдумала. Без этих форм невозможен анализ. Совместив данные из 16-й ведомости с данными шестого журнала, в любой момент можно отследить всех актуальных кредиторов и дебиторов и малейшие их телодвижения. Если я успею их скопировать и проанализировать, адвокаты передадут бумаги в суд.

Феликс прищурился:

— И как ты намерена эти документы добывать?

— Как, как... В их офисе.

— «Экстрим-тур» как раз в оперативной разработке Управления криминальной полиции. Официальный обыск их спугнёт. Чартер на Ланго-Ланга сорвётся, появятся новые жертвы. Снова исчезнут улики. Ты этого хочешь?

— Кто говорит про официальный обыск?

— А ты умеешь проходить сквозь стены?

— Нет. Но ты ведь тоже не умеешь, тем не менее проходишь без всяких прокуроров.

Феликс сдвинул брови.

— Как говорит моя помощница Татьяна, «риск — это часть моей профессии», — усмехнувшись, добавил: — И набор отмычек.

— Но ты ведь не откажешь красивой девушке в наборе отмычек? — умильно заглянула ему в лицо Варвара.

— А сигнализация?

Она беспечно отмахнулась:

— Ты же придумал что-нибудь!

— А то тебе твоя фантазия отказала... Давай сюда план помещений. Только не говори, что нету... — недоверчиво хмыкнул Феликс.

— На кухне — нету... Пошли в кабинет.

Варвара извлекла из ящика письменного стола копию «плана эвакуации в случае пожара» и объяснила:

— Это я со стены стянула, когда туда наведалась, прикинувшись клиенткой...

— А ты уверена, что папки хранятся в офисе? — перебил её Феликс. — Я там пару дней назад тоже побывал, и в приёмной что-то бухгалтерской документации не заметил...

— Все папки хранятся во втором помещении — полные стеллажи. Я проверила. Он расположен вот тут — в коридорчике между приёмной и другим кабинетом. Рядом, кстати, и кладовка имеется. Я сделала вид, что по рассеянности забрела не в ту комнату.

— А может, по вечерам документы в сейф запирают? Или в ту же кладовку?

— Те, что меня интересуют, должны находиться в доступном месте. Хотя, конечно, неплохо бы и до «чёрных касс» добраться... Мне кое-кто отмычки обещал...

— Сколько тебе понадобится времени, чтобы отыскать нужные бумаги и сделать копии?

— Полтора часа, ну, может, час... А «ксерокс» у них как раз в коридорчике стоит. Коридор упирается не в стену, а в дверь, выходящую на лестничную клетку. Она обычно закрыта на замок, но не заколочена. Напротив — чёрный вход в подсобные помещения «Макдоналдса». Я несколько раз проверяла. Что ты так на меня уставился? Я же не сегодня это придумала — добраться до их бумаг...

— И как ты собиралась это сделать?

— Какая разница, если оказалось, что на всех окнах и дверях сигнализация. Но у Мариса Кисиса на пульте охраны трудится друг-товарищ...

Феликс не выдержал и рассмеялся:

— Держу пари, они вместе в Академии полиции учились!

— Откуда ты знаешь?

— Элементарно, Ватсон. У Мариса ровно пол-Латвии бывших однокурсников. Так что он там выяснил?

— «Контактную персону». Это менеджер по продажам.

— Александр Смоляков? У меня же есть его визитка и мобильный номер... — Феликс взялся за свой телефон.

— Что ты хочешь ему сказать? — забеспокоилась Варвара. — Зачем звонишь?

— Подожди, не мешай... Господин Смоляков? Это Феликс Муравьёв. Помните меня? Я записался на ваш чартер в Ланго-Ланга. Да-да... Мне нужно срочно с вами встретиться... Вы не сможете подъехать в офис? Я понимаю, что выходной... Понимаю, что на ночь глядя... Нет, я не хочу отказываться, наоборот, намерен купить ещё две путёвки... Или даже четыре. Нет, завтра я улетаю... Так я могу к вам приехать прямо сейчас? — он дал отбой и объяснил Варваре: — Порядок. Менеджер в Юрмале, в ресторане «Савой». Вряд ли всухомятку там питается.

— Ну, и что дальше?

— Он получит сигнал с пульта охраны и ринется в офис. А тут в дорожную полицию поступит анонимный звонок. Смолякова тормознут, и тогда час у тебя будет точно! Всё. Я полетел. Будь на связи, заряди батарейку.

— Постой!

У двери детектив обернулся:

— С Марисом сама свяжешься!

— Сама, сама... А как насчёт отмычек?

— В багажнике. Спустишься со мной вместе?

Марис, как всегда, откликнулся на просьбу Варвары и захватил с собой свою подругу Авиту — несравненную специалистку по экстремальным способам проникновения в закрытые помещения.

Впрочем, ничего особенно экстремального заговорщикам совершать не потребовалось. Отмычками они без труда открыли замок в дверях чёрного хода офиса «Экстрим-тура», и Варвара прошла внутрь. Затем Марис отключил аварийной кнопкой сработавшую сигнализацию, подождал, пока Варвара запрётся, и покинул подъезд. Авита стояла на стрёме. И тут им сказочно повезло.

Внезапно дверь подъезда широко открылась, и на пороге возник запыхавшийся мужчина, тащивший компьютер. Марис и Авита бросились к нему, поначалу уверенные, что застигли врасплох мародёра. Но это оказался менеджер «Макдоналдса». У него испортился компьютер, и он договорился с мастерской, что сам его привезёт, по роковому совпадению, именно в этот момент.

Как ни орал бедолага: «Это произвол! Я буду жаловаться!» — двое выросших прямо из-под земли полицейских — мужчина с удостоверением лейтенанта полиции и женщина в форме сержанта — надели на него наручники, усадили в свою машину

и велели ждать, пока прибудет менеджер турагентства и пока его личность и автомобиль проверят по криминальным картотекам. Процесс проверки проходил долго до бесконечности — компьютер у полицейских без конца зависал...

Подоспевшая охрана во главе с другом Мариса лишь бегло оглядела офис, закрытая дверь кладовки никого не насторожила — ещё бы, ведь им предъявили самого «злоумышленника»! Осталось дожидаться представителя турагентства, которого задерживали неприятности с дорожной полицией.

Прошло не менее двух часов. Когда сильно поникший менеджер по продажам добрался, наконец, до своего офиса на такси, Варвары и след простыл. Она уже обрабатывала у себя свой богатый улов.

«Ксерокс» в офисе «Экстрим-тура» тоже успел остыть. И двое бойких полицейских куда-то подевались...

Тем временем Феликс снова наведалься в Управу, чтобы встретиться со следователем Земяновым. Он хотел получить у него разрешение на посещение бывшего телохранителя Жоржа Бебриса Андрея Малова. А у Валеры уже были новости насчёт Крохина, вернее Блохина.

— Мне теперь ясно, почему его на границе не поймали, — заявил он интригующим тоном. — Держу пари на что хошь, ты бы тоже в нём не признал нашего «романтика ножа и топора, разбойника с большой дороги»...

— Валера, не томи!

— Американские коллеги прислали снимок с камеры наблюдения аэропорта Кеннеди.

— С бритым черепом, одноглазый, с серьгой в ухе?

— Последняя деталь — в десятку, остальное — мимо, — серьёзно сказал Земянов. — Он косит под гея. Или не косит... Я уже ничего не понимаю... — он развернул к Феликсу дисплей своего компьютера: — Сам полюбуйся!

Феликс взглянул и поразился: со снимка на него смотрел откровенно женственный молодой человек с кудрявыми ярко-жёлтыми волосами, тёмно-кариими глазами, искусственными ресницами, весь увешанный бижутерией и одетый в какую-то цветастую блузу с рюшами...

— Что это значит? Ты им сообщил адрес отеля? Блохина задержат или нет?

— Конечно, задержат. Но как тебе этот бразильский карнавал-маскарад?

— Умный расчёт на политкорректность — лишний раз не станут на него пялиться... Очередной «Большой шлем» — за ним. Послушай, неужто Крохин сам такой гений-психолог? Или всё-таки кто-то им руководит?

— Разберёмся. Мне обещали сообщить, когда его задержат. Если понадобится, сам полечу в Нью-Йорк.

— А я на вторник билет купил.

— С какого перепугу?

— Есть предчувствие, что без меня не обойдётся. Но я к тебе по другому делу. Мне срочно нужно поговорить с Андреем Маловым. Насчёт Сенина.

— Вот тут уже мы как-то без тебя справились, Холмс, даже не знаю, как нам это удалось...

— Малов раскололся? Мои поздравления!

— Ага. Спасибо. Только Сенину пока не проговорись.

— Понял. Ведёшь его на крючке?

Феликс искренне пожелал следователю Земянову удачи и наконец отправился домой.

В ту ночь Варвара так и не легла спать. Когда она ввела в компьютер весь архив, ей стало казаться, что она захлебнётся, потонет в этом море информации. Варвара готова была совсем уж отчаяться, но внезапно её осенило: а ведь «подвиги» хитроумной компании можно представить наглядно, в виде таблиц. И поможет ей в этом та самая схема, которую ей удалось выстроить, анализируя деятельность «Экзо-тура» и иже с ним.

До самого утра она чертила и писала. В девять пришли двое адвокатов — представители её клиентов, пострадавших от туристических фирм: Нормунд Белевич — молодой высокий лощёный брюнет, и Болеслав Чаплинский — стареющий, но ухоженный лысоватый блондин с обходительными манерами. Оба слегка ошалели от толщины папочки с документами — обработать их за сутки было нереально.

— Господа, не надо унывать! — ободрила Варвара своих гостей. — Я вычислила: мошенники действовали по определённой системе. Смотрите, здесь всё разложено по полочкам: по персоналиям, по фирмам, по партнёрам, по кредитам и задолженностям,

по недвижимой собственности. Таким образом, причастность Анатолия Капустина, Григория Баранникова и Владимира Новика к деятельности латвийской фирмы «Экзо-тур» видна как на ладони. Нарушения закона налицо. Вам остаётся сформулировать претензии. Как, по-вашему, я справилась?

С этим адвокаты согласились, только осведомились, готова ли Варвара выступить в суде экспертом.

— Потом, когда дело дойдёт до уголовного обвинения. А пока моя личность должна оставаться в тени.

Прежде чем попрощаться, господа Белевич и Чаплинский передали общую просьбу Варвариных клиентов: в качестве гонорара принять в подарок туристическую поездку на двоих в любую точку мира, какую она назовёт. Варвара выбрала Рождество в Париже.

Еле живая от усталости, она приняла тёплую ванну и рухнула в постель. Так и не успев прочесть материалы журналистского расследования корреспондента газеты «Рижские новости» Елизаветы Сидоровой.

Глава третья,

*в которой Елизавета Сидорова
борется за свободу слова,
а Феликс готовит сюрприз
для киллера*

— К тебе журналистка Елизавета Сидорова! — с удивлением объявила шефу секретарша. — Впускать?

— Конечно, впускай, что за вопрос! — сказал Феликс. — И, пожалуйста, сделай ей кофе — вдвое крепче моего и без сахара.

Журналистка ворвалась в кабинет детектива и пропищала:

— Здравствуйте! Кофе — это замечательно, только попозже, если вернусь живая! — она подлетела к столу Феликса, размахивая газетой:

— Полюбуйтесь! Свобода слова в опасности! На нас давили, пытались заставить редактора отказаться от публикации моего расследования. А он им вот что преподнёс...

Елизавета перекрасила волосы в кислотно-фиолетовый цвет, вместе с ядовито-зелёным джемпером и юбкой с огромными карманами всё это кричало и протестовало. Она бросила Феликсу

воскресный номер «Рижских новостей». Детектив поймал на лету, пролистал. Страница, отведённая для криминальных материалов, скандально зияла пустотой. Посередине чистого газетного листа красовалось объявление в траурной рамке: «С прискорбием извещаем о кончине Свободы Слова. Траурный митинг состоится сегодня в 22:00 в Верманском парке. Приглашаются все, кому была дорога при жизни эта дама».

— Что, так и выпустили?!

— Это редактор смастерил в единственном экземпляре, специально для господина из полиции, после того как тот часа два прессовал их с заведующим нашим отделом. Что, мол, в настоящее время ни в коем случае нельзя публиковать информацию о «серых полковниках», в интересах государственной безопасности.

Когда этот агент увидел вариант сигнального экземпляра, он сразу обломился и ушёл. А потом редактор меня вызвал и сказал, что ему звонили из какой-то очень серьёзной конторы и предложили дать сенсационный материал лично Елизавете Сидоровой. Но поставили одно условие — задержать очередную публикацию.

— Значит, статья всё-таки не вышла? Они своего добились?

— Они мне назначили встречу. Пусть только попробуют обмануть девушку — мало не покажется. Смотрю, по адресу — ваши соседи! Я не стала вам звонить — а вдруг они меня на пролушку поставили?

— Конечно, поставили. Только не тебя, а редакцию. Это и было главной целью явления агента.

— Ой, как же мы лоханулись! — Елизавета лихорадочно схватилась за мобильник. — Постойте, я должна в редакцию позвонить... Юрий Михалыч? Поищите жучки... Нет, это не я догадалась — умные люди подсказали... — потом бросила трубку в свою огромную сумку и обескураженно произнесла: — Вам благодарность от моего редактора...

Феликс отмахнулся.

— В другой раз не будьте наивны. Скажи лучше, эти люди, которые обещали тебе сенсацию, они представились? Намекнули, о чём именно пойдёт речь?

Елизавета протянула листочек.

— Они со мной не разговаривали. Редактор записал их координаты, правда, понял только, что эта контора вроде бы

отслеживает информацию об альтернативных видах оружия и технологиях...

— И препятствует утечке... — понимающе хмыкнул Феликс, заглядывая в мятый листочек. На нём было выведено печатными буквами: «Лаборатория информационных исследований МИЭТ».

— ...путём нарушения права человека на правдивую информацию, — упрямо тряхнула фиолетовой чёлкой Елизавета. — Короче, если не вернусь, не считите меня коммунистом...

— Что значит «не вернусь»? Ты так не шути! — всполошился Феликс.

— Я принесла вам рукопись последних статей. Если что, опубликуйте. Теперь всё, я пошла.

— Что за глупости! — Феликс извлёк из ящика стола свой пистолет Макарова и засунул его за пояс. — Я иду с тобой.

— Феликс, какой вы смешной... Я боюсь только мёртвых, а про рукопись просто так лягнула. Ни за что не упусти сенсацию, и ничего со мной не случится.

— Тогда я тебя просто провожу. И подожду во дворе, — и Феликс поспешил за ней следом.

Подождав, пока Елизавету пропустят в двери уже не столь таинственной организации, Феликс спустился во двор и уселся в свой BMW — прямо под их окнами, плотно замаскированными шторками жалюзи. Он выделил им час для беседы с его сумасбродной подругой. В противном случае пообещал себе разнести к чёрту все их секреты. Коротая ожидание, он стал читать Елизаветину рукопись. И вот что он вычитал.

«Серые полковники» — параллельная реальность»

Неправда, что в Советском Союзе не был построен коммунизм. Другое дело — не для всех. Так называемая «номенклатура» представляла собой ту касту избранных, которой посчастливилось пожить при коммунизме. И если у кормила власти право на коммунистический рай ограничивалось сроком мандата, поколение генералитета «послерепресссионного периода» успело утвердиться в коммунизме целыми династиями.

История первых двух героев нашего расследования — Григория Баранникова и Рады Чернятьевой, — пред-

ставителей младшего поколения упомянутых династий, уходит корнями в далёкое советское прошлое, начавшись в заключительные дни Второй мировой войны...

Дальше Елизавета Сидорова цитировала газетную статью десятилетней давности:

«... Однажды весенним сиреневым вечером два молодых друга-майора, Слава Баранников и Тимоша Чернятьев, проходя по дорогам практически побеждённой Германии, оказались в маленьком старинном городке неподалёку от Дрездена — сразу после бомбёжки. На безлюдной улице они увидели разрушенное взрывом бомбы здание банка. Содержимое сейфов валялось прямо у них под ногами: валюта, золото, серебро, драгоценные украшения, картины, гобелены, фарфоровые статуэтки и вазочки...

По закону они были обязаны выставить охрану и доложить вышестоящему начальству, но соблазн был слишком велик. Свидетелей — ни одного человека. Город будто вымер. Жители попрятались, опасаясь повторного налёта. Друзья рискнули присвоить находку и вернулись из Германии миллионерами».

Неприглядная тайна связала их на всю оставшуюся жизнь. А после послужила причиной целого ряда таинственных смертей. Хотя поначалу всё складывалось вполне удачно: карьера, семейная жизнь... Вячеслав Баранников осел в Риге, Тимофей Чернятьев — в Ленинграде. У Баранникова родился сын Григорий, у Чернятьева — дочь Рада. Оба вышли на пенсию в звании генералов, в полной мере вкусив «коммунизм для избранных».

Но перейдём к нашим следующим героям.

Майор Анатолий Капустин честно служил в латвийском КГБ, где заведовал конспиративным жильём. В начале перестройки, возможно, с ведома начальства, успешно сдавал его в аренду предпринимателям от комсомола. К тому времени, когда его контору ликвидировали, Капустин успел сделаться крупным домовладельцем.

Он, Анатолий Капустин, знакомые нам полковник интендантской службы Григорий Баранников и пехотный

генерал Тимофей Чернятьев, армейский полковник Марат Халеев, полковник ВВС Никита Астратьев в конце концов спелись с международным криминалом и террористами...

Неизвестно, кто первый подбрисил это название — «серые полковники», — но оно прижилось и зазвучало. К тому времени, когда «серые полковники» расширили сферу своих интересов до Африки, с ними уже не было генерала Чернятьева. Он оказался одной из жертв «гласности». После публикации статьи о позорной истории его богатства Тимофей Тимофеевич Чернятьев (успевший овдоветь) застрелился из ружья. У себя на даче.

А вскоре «покрытая позором» богатая наследница стала крупной бизнес-леди. В партнёрстве с Григорием Баранниковым они построили сеть роскошных фитнес-центров. Что произошло между наследниками друзей-генералов, остаётся лишь гадать. Газеты писали тогда, что Григорий Баранников ещё при жизни генерала упорно сватался к его дочери. Скорее всего, он поставил себе цель завладеть второй половиной германских сокровищ. В отличие от своего отца, он понимал, что ценность половины коллекции на порядок ниже ценности коллекции полной.

Однако всё складывалось не в его пользу. «Трофеи» того и гляди уплывут из рук к настоящим наследникам. Рада отделилась, завела собственный бизнес — на те средства, которые он уже считал своими. Затея с браком окончательно провалилась — у неё появился жених. Бывшие партнёры вынуждены были действовать быстро. Баранников прибег к помощи специалистов-костоломов, покалечивших дочь генерала до смерти. Правда, цели своей — Радиной подписи — «полковники» добились. И в дальнейшем уже не гнушались заказными убийствами, обзаведясь собственным киллером».

Дочитав до этого места, Феликс торопливо уложил все листы обратно в конверт, схватил мобильник и позвонил матери Крохина.

— Сандра, Виктор не виновен в смерти Рады, даже косвенно — не виновен! Скажите ему это, если он вам позвонит. Обязательно прочтите статью Елизаветы Сидоровой в следующем номере «Рижских новостей»!

Сандра пообещала. Но вряд ли Крохин скоро ей позвонит. Что ж, тогда Феликс сам сообщит ему эту потрясающую новость. В нью-йоркском отеле «Скоттленд-плаза». Вдруг удастся клин клином вышибить?..

Что-то Елизавета долго не появляется... Феликс переложил Макарова в карман пиджака и вышел из машины, готовый ко всему.

Рывком открыв двери подъезда, он едва не сшиб журнальную листку.

— Ты в порядке?

Елизавета победно расхохоталась:

— А то! Не дождутся!

Феликс бросился вверх по лестнице, крикнув ей на ходу:

— Тогда за мной, обратно в офис!

Устраиваясь за своим письменным столом, Феликс включил селектор, попросил Татьяну приготовить кофе и закурил.

— Итак... — произнёс он, вскинув левую бровь, и пристально посмотрел на Елизавету.

— Итак... — подхватила она, всё ещё задыхаясь от бега. —

Проект «ИЗОЛЬДА» — что вы об этом слышали?

— Тебе дали информацию о проекте «ИЗОЛЬДА»?!

Елизавета разочарованно протянула:

— Ну да... А вы в курсе? С вами неинтересно...

— Я только догадываюсь, что речь идёт о стрелковом оружии нового типа, в котором вместо пуль капли замороженной воды. Пули ИЗО ЛЬДА. Каламбурное созвучие с женским именем... Правильно?

— Этим занимается лаборатория информационных исследований Международного института экспериментальных технологий.

В дверях появилась Татьяна с подносом. Указав большим пальцем в пол, она спросила:

— Так там на самом деле контрразведка трудится? Тебя ведь не заставляли обязательство о неразглашении подписывать?

Лиза поёрзала в кресле и усмехнулась:

— Пробовали. Не на ту нарвались. Я смекнула, что они меня, так сказать, в разработку включили, и стала кочевряжиться. Короче, пообещала в статье не указывать настоящих имён

и про киллера не печатать, пока его не схватят. Вот. Но я напишу обязательно.

— Так что тебе про «ИЗОЛЬДУ» рассказали? — деликатно напомнил сыщик.

— Я записала, что успела, но, если честно, мало что поняла, — Елизавета нырнула в свою торбу, извлекла записную книжку и принялась расшифровывать собственные каракули: — Некто, чьё имя и место жительства усиленно скрываются, изобрёл способ мгновенного замораживания воды до экстремально низких температур, основанный на квантовой механике. Резервуар с водой и устройство для заморозки помещаются в магазинную часть стрелкового оружия, например пистолета. Обойма заполняется «патронами» в виде замороженных капель воды, обладающих при стрельбе огромной поражающей силой — капля воды, летящая со скоростью 200 м/сек, способна пробивать листовое железо. А при попадании в человеческую плоть она её просто взрывает, нанося доселе неизвестный вид травмы. Вот...

Однажды это оружие каким-то образом попало в руки «серых полковников», и они вручили его своему киллеру...

— То есть «плохие ребята» экспериментируют, а «хорошие» хладнокровно наблюдают, как киллер расправляется с жертвами? — заметил сквозь зубы Феликс. — Скажи, Елизавета, тебе не удалось выяснить, где в данный момент свил гнёздышко Григорий Баранников?

— Вы не дочитали до конца мои материалы?

— Не успел. Скинешь мне на почтовый адрес?

— Да-да, конечно... Так вот, Григорий Баранников — он добывает алмазы на шельфе атлантического побережья Юго-Западной Африки, как совладелец концессии. А вот Анатолий Капустин сделал, представьте себе, научную карьеру! Теперь он не просто успешный предприниматель из числа отставных чекистов, а «большой учёный», доктор наук, доцент кафедры альтернативных технологий какого-то частного института экспериментальных технологий. Постойте-ка, а это не наш друг МИЭТ?! Чуть не забыла! У них скоро конференция... — Лиза вскочила, нырнула рукой в обширный карман своей юбки, извлекла сложенный листок-флаер и быстро пересела к столу Феликса: — Хотите взглянуть? Они мне всучили это приглашение, но я ещё не успела посмотреть...

Рекламный листок представлял собой программу международной конференции по проблемам торсионных полей, намеченной в Риге. Организатором значился МИЭТ, главным спонсором — Григорий Вячеславович Баранников. На повестке первого дня — демонстрация удивительных возможностей торсионного генератора, созданного группой учёных во главе с доктором физико-технических наук Анатолием Капустиним. Он же основной докладчик.

- Ну, мы с тобой и влипли, подруга...
- И что нам теперь делать? Забиться мышью под веник и молчать?
- Ты только не обижайся, Елизавета. Пообещай вести себя тихо, пока я не вернусь из Штатов.
- Вы с ума сошли? Летите киллеру на мушку?!
- У них «концепция изменилась», теперь я им нужен живой и с доверенностью. Извини, не могу поделиться с тобой моим планом, но поверь мне на слово, он существует. Надеюсь, в результате его осуществления эту сенсационную конференцию по всяким глупостям придётся отменить.
- Хорошо, тогда не буду вам, как говорит мой дедушка, «закудыкивать дорогу»...

Глава четвёртая,

*в которой Феликсу Муравьёву
вспоминается «Смерть коммивояжёра»*

Девятиэтажный старинный отель экономкласса с громким названием «Скоттленд-плаза» расположился на перекрёстке Седьмой авеню и 47-й стрит, неподалёку от Таймс-Сквер. По традиции, принятой ещё в 30-х годах прошлого века, здесь проходил трёхдневный ежегодный турнир манхэттенского бридж-клуба, в память его основателя, бывшего бутлегера, купившего почти разорённую гостиницу, чтобы обеспечить её процветание на долгие годы.

Для Феликса нашёлся номер только с общими удобствами — давно забытый командировочный рай... Зато рай этот помещался на седьмом этаже, там же, где поселился Виктор Крохин-Блохин.

Чтобы не спугнуть свою дичь, детектив ещё в Риге воспользовался услугами хакера. Тот легко проник в гостиничную базу данных и отыскал там нужную информацию. Крохин оплатил проживание до завтрашнего утра. На этом везенье сыщика резко закончилось.

В понедельник вечером Валера Земянов сообщил ему, что Блохин-Крохин задержан. И сказал, что теперь Феликсу не зачем лететь в Штаты. Что теперь он может спокойно закрывать своё расследование и как следует выспаться. Если понадобятся его свидетельские показания, ему дадут знать.

Выспаться не довелось. Посреди ночи его разбудил звонок всё того же Земянова. Голос его был, как на похоронах.

— Прости, дружище, что поднял. У нас плохие новости.

Феликс догадался сразу:

— Крохина отпустили?

— Ну да, чёрт побери! Он утверждал, что он Блохин. И стоял на своём насмерть. Документы его оказались настоящими. То есть он получил подлинную грин-карту на имя Блохина, а потом — настоящий заграничный паспорт.

— А что, в его паспорте такая вот карнавальная фотография? Он и по Нью-Йорку шастает в макияже и в парике?

— Да нет, фото в паспорте нормальное. С его седыми волосами.

— Тогда объясни, как его в аэропорту не тормознули!

— Я тоже удивился, а мне прислали полную видеозапись его «выступления». Он там в иммиграционной службе парик снимал, надевал, снова снимал, тушь с ресниц стирал... С таким, знаешь, виновато-перепуганным видом... Ну, его на предмет наркоты обшманили, конечно, а больше привязываться не стали.

Не успели Крохина задержать, как тут же отыскался адвокат-ловкач. Он мигом сыграл на этом деле — обвинил полицию в «неравном отношении»... Явился судья и постановил: мистера Блохина освободить.

— Так что, помощь заграницы отменяется? Следствие закончено, забудьте?

— Нет, конечно. За Крохиным проследят.

— Неужели свою мышку-норушку напрягут?

— В подробности мы не вдавались. Но ты же сам понимаешь, их техника — это не наш металлолом.

- Не такие уж мы отсталые...
- Представляю, как бы ты коллег-янки своим Бертильоном развеселил... Не злился, просто к слову пришлось. Слава богу, старую добрую дактилоскопию ещё никто не отменял. Теперь, по крайней мере, мы имеем отпечатки нашего дружка. Завтра пошлю своих ребят снять пальчики у него дома — не ходил же он там в перчатках?
- А ты не забыл, что в Штатах по федеральному закону нельзя дважды задерживать по одному и тому же поводу, если имеется судебное решение?
- А этот фрукт ещё и под защитой Пентагона оказался... Ребята из Интерпола разведали, что Виктор Блохин прошёл подготовку, зачислен в Международный корпус миротворческих сил и на днях отправляется в Юго-Западную Африку.
- Dead end...
- Чего?!
- Дорожный знак, обозначает тупик... Завтра лечу в Нью-Йорк.
- Провоцировать киллера? Если твоя дорога упирается в тупик, не обязательно лезть на стену!
- А что прикажешь делать, майор?
- Нужно вернуться и поискать другую дорогу...
- Но ведь нас же двое? У меня номер бронирован в том же отеле, где поселился Крохин на время чемпионата по бриджу, на том же этаже. Буду действовать по первоначальному плану.
- Я категорически против! Слышишь, я тебе запрещаю!
- Валера, я частное лицо... Кстати, юридическое. К тому же большой уже мальчик. Вроде не самый глупый. И жить мне не надоело. Бог даст, справлюсь.

В аэропорту Кеннеди таможенная служба третировала Феликса часа два. Ещё бы: этакий импозантный господин из бывшего СССР, без багажа, понимает по-английски. Ясное дело, киллер и прячет оружие! Его едва не депортировали.

В результате рассчитанный по минутам план затрещал по всем швам. Поселясь в отеле, Феликс обнаружил, что турнир успел завершиться, а Крохин — куда-то исчезнуть. План нуждался в срочной корректировке, но из-за долгого перелёта, скудного

сна и смены часовых поясов мозга настойчиво требовали отдыха, в противном случае за себя не ручались.

Округлая мягкая кровать «кинг-сайз» с пышными подушками так и манила упасть на неё запертво, тем более что другой мебели в тесном номере Феликса почти не было. Если не считать стенного шкафа для одежды и окрашенного чёрным лаком сундука — индивидуального сейфа. Ну и, конечно же, телевизора.

Феликс подошёл к окну и выглянул. Напротив, через дорогу, виднелся кусок 47-й стрит, наводящий тоску своим уныло-функциональным видом. Приземистый продуктовый магазинчик самообслуживания, уличные галантерейные лотки, равнодушные чернокожие торговцы, французское кафе, возле дверей которого припарковался фургончик фирмы копировально-множительной техники с прикольным слоганом «Сору Сор» под логотипом с изображением трёх счастливых однойцевых близнецов-полицейских. Феликс усмехнулся: так вот почему здесь так много копов! Секрет в множительном аппарате!

Далее возвышалась часовня, на прикреплённой к массивным дверям табличке можно было прочесть: «Баптистский епископальный собор Девы Марии».

Пробормотав себе под нос хрестоматийное «Нью-Йорк — город контрастов», он посмотрел вниз. Там легко просматривалась просторная лестница парадного входа, и, если стоять здесь и сторожить, заметишь каждого входящего-выходящего, никого не пропустишь. Только бес его знает, сколько придётся стоять и сторожить — час, два, всю ночь до утра?

Выиграй он один из призов на сегодняшнем турнире (а Крохин, то есть Блохин, выиграл, о чём сообщал информационный бюллетень на стене гостиничного лобби), он бы, Феликс, непременно пожелал это дело отпраздновать. А если бы до этого ускользнул из лап фараонов и уже успел записаться в армию — всю ночь прошлялся бы по Бродвею...

Внезапно комната наполнилась колокольным звоном — вся, целиком, так что стены заходили ходуном. Громкий звук заставил сыщика встряхнуться, и бастующая голова вдруг выдала идею: массаж! Феликс схватил свой ноутбук, устроился с ним на кровати, отыскал в Интернете сайт спа-салона Полины Мэрсон и заполнил электронный бланк заявки, назвавшись собственным именем.

Теперь он был почти уверен, что киллер не устоит от искушения и попытается с ним разделаться. Хотя следовало признать: поведение Крохина не укладывалось ни в какие схемы. Феликс не брался даже предсказать, как тот отреагирует на новость о непричастности к смерти Рады — надеялся только, что при встрече сумеет его разговорить. Иначе для чего Татьяна муж Эдик монтировал Феликсу в портсигар микрокамеру...

В графе «дополнительная информация» Феликс написал: «В настоящий момент нахожусь в Нью-Йорке, в отеле «Скотленд-плаза». Случайно увидел в информационном бюллетене бридж-турнира фамилию массажиста Виктора Блохина. Его мне рекомендовала ваша родственница Зося Волкова в качестве лучшего специалиста вашего салона. Пользуясь удачным стечением обстоятельств, я хотел бы получить сеанс массажа шиацу именно здесь. Поэтому настоятельно прошу вас связаться с Блохиным и согласен перевести на ваш счёт предоплату услуги со всеми надбавками прямо сейчас». Получил автоматическое подтверждение и закурил, с волнением ожидая ответа.

В салоне Полины Мэрсон ещё работали, и она сама ему перезвонила. Феликс повторил свои выдумки, добавив правду про старую травму позвоночника. Ему требовалось всего лишь выяснить, где находится Крохин в данный момент и когда вернётся в отель. Он готов был услышать, что Блохин уволился, но госпожа Мэрсон «повелась» на сладкое слово «предплата», немедленно выловила Крохина-Блохина по его мобильному в каком-то кафе и принудила поработать в пользу своего заведения в гостиничном номере клиента.

Стало быть, у Крохина есть свои резоны не говорить об уходе в армию? Или ему удалось убедить работодателя не прерывать его стажа на время военной службы? И что это значит? Что киллер строит серьёзные планы на будущее и стремится его как можно лучше обеспечить — не отказываясь ни от какой работы, экономя на гостиничном комфорте? Если так, он сильно отличается от обычных преступников, живущих одним днём... Всё-таки очень похоже, что его действиями кто-то руководит. Очередная загадка, очередной вопрос, на который никто, кроме самого Крохина, ответить не в состоянии.

У Феликса оставался час до назначенной встречи. Он побрился перед маленьким зеркалом над умывальником, быстро переоделся и покинул номер.

Лестница вывела его в вестибюль. Он миновал лобби, камеру хранения, прошёл мимо кабинки лифта. Дальше, в самом глухом углу, притаился автомат для изготовления льда. Место тёмное и уединённое.

Рядом находилась приоткрытая дверь, ведущая на лестничную клетку. Ступени лестницы круто спускались в подвальные помещения — бэйсмент. Там оказались прачечная самообслуживания и тренажёрный зал, а также дополнительный автоматический бокс для хранения багажа.

Всё, что требуется одинокому коммивояжёру. Возможно, именно здесь кто-то из них нашёл когда-то свою смерть... Помнится, так называлась пьеса Артура Миллера.

Феликс вдруг отчётливо понял: отель «Скоттленд-плаза» — идеальное место для идеального убийства...

Точно в назначенное время раздался стук в дверь.

— Войдите! — откликнулся Феликс. Он приготовил Крохину сюрприз — на случай, если тот явится с оружием, залез в стеновой шкаф, достаточно глубокий, чтобы вместить его крупное тело, и слегка приоткрыл дверцу.

Вошедший задержался на пороге пустой комнаты и с удивлением огляделся. Все особые приметы Крохина снова были при нём — тот же стильный взгляд прозрачных глаз, те же седые густые волосы, прибавлявшие ему десятка два лет, голубые джинсы, белая тишотка. В одной руке у него болтался прозрачный пакетик с массажными принадлежностями: полотенце, пузырёк с маслом, тубик крема. Вторая празднично висела вдоль тела. Неужели он пришёл безоружным?! Очередной облом...

Феликс успел подумать: хорош бы он был, если бы послушал Валеру Земянова и всё-таки захватил с собой свою пушку, а благочестивый массажист взял бы и вызвал полицию. Он распахнул дверцы шкафа и, выйдя из него, будто из соседнего помещения, окликнул:

— Я здесь, Виктор! — и когда тот, вздрогнув, обернулся, выхватил из кармана чёрную «Мотороллу».

Затея с «планом Б» сработала, даже с перебором. В глазах киллера заметалась паника, он вдруг бросился Феликсу под ноги,

изо всех сил подсёк его под колени, пытаясь обрушить на пол и выбить у него из рук трубку. Но Феликс устоял, отшвырнул мобильник на постель, после короткой борьбы скрутил Крохина на полу, связал ему руки полотенцем и обыскал его карманы. Пачка сигарет «Мальборо» и зажигалка — ничего другого при нём не имелось, не считая водительского удостоверения на имя Виктора Блохина и расчёски.

Лёжа на животе, парень тяжело, прерывисто дышал. Внезапно послышался его тихий бесцветный голос:

— Ты... кто? Кто тебя прислал? Таджики?

— Знакомились вроде, Крохин... — неохотно обронил сыщик, развязывая ему руки и поднимаясь с пола.

Киллер тут же вскочил, оттолкнул Феликса и схватил с кровати «Мотороллу». Феликс не стал ему мешать. Не спеша достал свой портсигар, щёлкнул крышкой, включая камеру, закурил и невозмутимо проговорил:

— Это всего лишь мобильный телефон, Крохин. Старая испорченная мобила. Так что перекуём мечи на орала и мирно побеседуем.

Киллер снова бросил телефон на покрывало, сложил руки на груди и, наклонив голову, злобно прошипел:

— Не понимаю, о чём вы. Меня зовут Виктор Блохин, и я вас не знаю. Мне прислали заказ на массаж. Имейте в виду, деньги за неиспользованные услуги не возвращаются.

— Бог с ним, с массажем, — небрежно махнул рукой сыщик, подумав при этом: «А жаль!». Извлёк из кармана конфискованные у киллера пачку сигарет и зажигалку, протянул ему: — Вот твоё курево, — кивнул на кровать: — Садись, есть разговор. Тебе будет интересно, обещаю.

Крохин сел на кровать, продолжая угрюмо настаивать:

— Я вас не знаю. Нам не о чем разговаривать.

— Ошибаешься. У нас с тобой масса интереснейших тем, — гнул своё детектив, в упор глядя ему в лицо. — Начнём с проекта «ИЗОЛЬДА». Твоя пушка замаскирована в «Моторолле», похожей на эту вот, и стреляет ледяными пулями, так ведь, Крохин? «Серые полковники», твои заказчики, тебе её всучили, а теперь отобрали. И ты себя выдал с потрохами, когда решил, что я — Номер Два, и явился по твою душу...

Киллер внезапно рванул к выходу и больно ударился об распахнутые двери шкафа.

— Шкаф непроходной! — давя невольный смех, объявил Феликс и, перекрыв собой дорогу к выходу, добавил как можно более веско: — Слушай меня, Крохин. Я знаю про тебя всё, что знаешь о себе ты сам. И ещё кое-что. Ты непричастен к смерти Рады! Аб-со-лют-но непричастен!

Крохин застыл с мучительным выражением лица, а Феликс продолжал:

— Рада погибла не по твоей вине. Твой карточный долг не сыграл никакой роли. Между Чернятьевыми и Баранниковыми были свои отношения и свои давние счёты. Генералов связало общее преступление — мародёрство, или даже грабёж. Григорий Баранников считал, что германские трофеи их отцы поделили неправильно, и мечтал завладеть Радиной частью наследства. Так вот, после того как её якобы «случайно» убили в гостинице, из её дома исчезли все картины Брейгеля и Босха, коллекция фарфора, всё золото и драгоценности.

— Откуда... тебе это известно? — еле шевеля губами, выдавил Крохин. — Чем докажешь?

— Несколько журналистов и частных сыщиков потрудились. Один даже жизнью поплатился, собирая досье на Григория Баранникова. Слышал про взрыв в редакции военного журнала «Сигнал»? Вот. А на днях выйдет серия статей в газете «Рижские новости».

Крохин, всё ещё не придя в себя, снова присел на край кровати и закурил, плохо владея пальцами и губами. А после нескольких долгих затяжек вдруг заговорил — взхлёб, как пьяный. Феликс не услышал ничего принципиально нового. Замученная невеста, обрушенная судьба. Ужас, отчаяние, бесконечное чувство вины... Ненависть, ненависть, ненависть...

Он опустил на чёрный сундук, положил рядом раскрытый портсигар и тихо произнёс:

— Прошлое — оно потому и прошлое, что прошло. Его уже не существует. Главное — на тебе нет вины.

Крохин отнял ладони от лица, посмотрел на Феликса с безысходной тоской и сказал:

— Что — прошло? Что — в прошлом? Смерть? Смерть — она всегда в будущем. У меня, у тебя, у всех. Всегда рядом. Её не избежать. Но можно приблизить...

Потом неожиданно вскочил, подался к окну, открыл его, вспрыгнул на подоконник и рванулся в оконный проём. Но полёт киллера над 47-й стрит не состоялся: он крепко застрял между узкими рамами, с отчаянием протискивая наружу своей атлетический торс. Феликс прыгнул за ним, вырвал из оконного проёма, сгрёб в охапку и швырнул на постель, приговаривая:

— Ах ты, гад! Трус несчастный! Тайком стрелять в безоружных, в женщин — он храбрец! А как ответить за свои подлости — он «в домике»? Тушкой на асфальте!

Психоз Виктора внезапно перешёл в стадию полного ступора. Его глаза почти утратили радужную оболочку, он смотрел в одну точку, ни на что не реагировал и не издавал ни звука.

Феликс поволок его к умывальнику и сунул головой под кран с холодной водой, продолжая отчитывать:

— А я потом перед его матерью оправдывайся! Хрен вам, господин киллер, не выйдет! Если бы ты хоть раз им в глаза заглянул, матерям! Если бы ты был вынужден сообщить хоть одной, что она родила и выкормила убийцу, ты бы иначе себя вёл. Всё бы у тебя пошло по-другому... — закрутив кран, он крепко встряхнул Виктора, пристально глядя в его помертвевшие глаза. — Эй, ты живой ещё, или «мы тебя потеряли»? Говори, не молчи!

Крохин медленно возвращался к жизни, в глазах появилась осознанная мысль. Внезапно он вырвался из рук Феликса, потряс головой, пофыркал, посмотрел на детектива исподлобья и с усилием произнёс:

— Ничего... нельзя... изменить... Всё... погибло...

Феликс кинул ему маленькое гостиничное полотенце и убеждённо возразил:

— Пока живой, всё можно изменить. Умереть всегда успеешь. А вот родиться ещё раз не получится... Помнишь: «Мы успели, в гости к богу не бывает опозданий...»

При всём его опыте, с Виктором Крохиным Феликсу приходилось продвигаться ощупью, подобно слепому без поводыря, больше всего полагаясь на интуицию.

Вытерев лицо, Крохин положил полотенце на место и подхватил:

— ...Что ж там ангелы поют такими злыми голосами... — потом вдруг протяжно вздохнул и пристально взглянул на Феликса: — У тебя зрачок во весь глаз. Спина болит?

— Очень, — честно признался сыщик.

— Давай ложись. Сделаю тебе массаж.

— Не надо, обойдусь. Выпью свой анаболик. У меня мало времени и очень много к тебе вопросов.

Крохин иронически хмыкнул:

— Деньги плочены? Плочены. Давай, не строй из себя Камо.

— Хирурги говорят, при острой боли позвоночник трогать нельзя, — заметил Феликс.

— К массажу шиацу это не относится, — Крохин отвернулся, взялся за свой пакет с принадлежностями, деловито поторопил: — Раздевайся и ложись на живот. Сначала будет больно, потом — ещё больнее. Не терпи, кричи. Станет легче, тогда и примемся за позвонки.

Феликс доверился интуиции, которая нашёптывала, что наступил, наконец, его день. Он разделся до брюк, откинул покрывало с кровати и улёгся. Крохин со знанием дела принялся надавливать на его суставы, разминать косточки, причиняя, как и обещал, непереносимую боль. Феликс дурашливо ойкал, пытался острить:

— Виктор, может, не надо?

— Надо, Федя, надо! — отвечал тот ему в тон.

Мало-помалу боль стала утихать. Не прекращая своих диковинных манипуляций, Виктор Крохин напомнил:

— Ты говорил, у тебя ко мне много вопросов?

— Согласен говорить правду? — встрепенулся Феликс.

— Я никогда не вру.

— Сейчас соврал.

— Ложь во спасение не считается грехом.

— Во спасение ближнего...

— А кто нам ближе себя самого?

— Я не исповедник, грехи не отпускаю и наказаний не накладываю. Я только одного не в силах понять: после смерти Рады как тебя сподобило к «полканам» киллером наняться? И как к тебе попало оружие с ледяными пулями?

Глава пятая,

*в которой Феликс Муравьёв
знакомится с нью-йоркскими
копами, но dead end всё равно
не спешит превращаться в happy end*

— Дышим, не прекращаем дышать! — скомандовал Виктор, не отреагировав на вопрос.

Феликс невольно затаил дыхание и тихо проговорил:

— Я слушаю, облегчи душу.

Массажист на мгновение оставил свои болезненные манипуляции и горько усмехнулся, скривив тонкий рот:

— Я — говорить, ты — писать! Скажешь, нет? За дурака держишь?

— За дурака — ни боже мой. Запись — в твоих же интересах. Пригодится адвокату. Обещаю тебе лучшего адвоката.

— Как благородно, чёрт возьми... Вот что значит прирождённый аристократ. Ему — пулю, а он адвоката сулит... — с неприкрытым сарказмом отозвался Виктор и вновь склонился над Феликсом, намереваясь продолжить своё занятие.

Но тот вдруг решил: хватит подставляться! Резко перевернулся, перехватил его кисти, ловким приёмом перебросил через себя, мгновение — и они поменялись местами. Теперь на постели лежал киллер, а Феликс, склонясь над ним, связывал его по рукам и ногам, приговаривая:

— Всё, хорош! Ты упустил свой шанс. Я зову копов. Финиш.

Крохин самоуверенно расхохотался:

— Зря время потратишь! Я чист. Меня уже один раз брали — и освободили.

— Как Блохина. Но я тебя разочарую: у криминалистов имеются твои волосы и пальчики. И у меня теперь имеются. Так что не отмажешься. На сей раз «торговля» закончена, — сурово заключил Феликс и взялся за свой мобильник.

Крохин взвыл:

— Ладно, ладно! Чего ты хочешь? Всё скажу. Тогда дашь уйти?

— Нет, не дам. Ты проиграл, сумей принять с достоинством этот факт.

Крохин заметно дрогнул, но сдаваться всё ещё не хотел:

— Бывают смертельные тайны. И лучше бы тебе их не знать! Я в тюрьму всё равно не сяду. Не дадут. Пока не выполню главный контракт...

— Ты имеешь в виду — меня прикончить? Даже не мечтай.

— Ты им теперь живой нужен, — всё больше нервничал киллер, — чему я искренне рад. Я о другом мечтаю, как ты изволил выразиться, — «серых полковников» напоследок достать.

— В Ланго-Ланга? Для этого в армию нанялся?

— Дай покурить! Развяжи руки, прояви гуманность...

Феликс возмущённо фыркнул:

— О гуманности вспомнил... А когда пытался взорвать меня вместе с невестой и матерью на моей свадьбе? Когда заманивал в особняк Бебриса? Где была твоя гуманность?

— Извини, работа такая, самому противно...

— Добросовестный! — иронически заметил Феликс, прикуривая сигарету. — Ладно, я не мелочный. Вот тебе, кури. А руки развязывать не буду, устраивайся, как сумеешь.

— И на том спасибо, — выдержав паузу, Крохин вдруг покаянно заявил: — Мне очень жаль, что с твоей матерью так вышло... Но ведь я тут не при делах. Послушай, Муравьёв, это правда, что ты про Раду говорил? Ты не пудрил мне мозги?

Феликс открыл крышку сундука-сейфа, извлёк папку с копиями Елизаветиных статей, бросил Виктору на колени.

— Чёрт с тобой! — сказал он и развязал ему руки и ноги.

На сей раз Крохин не стал спорить и погрузился в чтение. Феликс уселся на сундук и курил, размышляя, на каком он сейчас находится свете и где же эти хвалёные копы со своей наружкой. Погасив сигарету, поднялся, обошёл кровать, протиснулся к окошку, открыл его, выглянул на улицу. Копы, копы...

Внезапно его осенило: «Сору сор»! Джип с прикольным лого стоял на том же месте, и он подумал, что именно оттуда его слушают, а возможно, и наблюдают за ним.

Когда Крохин добрался до последней страницы, Феликс объяснил:

— Здесь не вся информация, какую я успел раздобыть. Кое-что добавлю на словах.

...Перед отлётом из Риги Феликс получил дополнительные сведения от Марка Листовского из «Нонсенса», которыми с ним поделились его приятели из Интерпола. Оказалось, что банк,

который грабали старшие Чернятьев и Баранников, на самом деле был не германским, а швейцарским. Старинный банк с прочной репутацией и традициями. Его клиентами являлись целые поколения самых богатых и влиятельных людей Европы. В пятидесятые годы прошлого столетия банк отпраздновал очередной бриллиантовый юбилей и начал заново отстраивать свои германские филиалы. Тогда новые учредители и придумали фишку: устроить показательные выступления. Всем, кто остался их клиентами во время Второй мировой войны, а также их наследникам, торжественно пообещали отыскать и возратить потерянные из-за военных действий сокровища и привлекли к этому делу Интерпол.

В разыскных списках интернациональной полиции числились уникальные вещи и коллекции, в том числе картин Босха и Брейгеля, королевского саксонского фарфора, золотых монет, драгоценных украшений, обеденных приборов из чистого золота...

Прочитав эти новости, Феликс тут же позвонил в Германию, чтобы выяснить: уж не тем ли самым швейцарским банком были утрачены, а после с помпой возвращены средства дрезденских фон Пруписов? И получил положительный ответ. Вот и не верь в судьбу...

Крохин слушал затаив дыхание, а Феликс продолжал:

— У «серых полковников» повсюду были свои ребята.

Можно с уверенностью сказать, что до Григория Баранникова дошла эта неприятная информация о списках Интерпола. А до сыщиков — материалы журналистского расследования, которые напрямую связывали имя его отца и отца Рады с присвоением дрезденских банковских сокровищ. Что он предпринял, остаётся только гадать. Но, вероятнее всего, Баранников причастен к самоубийству Радиного отца.

У журналистки Елизаветы Сидоровой своя версия: Григорий Баранников нашёл покупателя, готового приобрести и вывезти коллекцию картин, несмотря ни на какие препятствия со стороны закона и порядка. Ему оставалось из двух половин составить целое. Жениться на Раде не удалось, а с появлением другого жениха затея с продажей коллекции грозила полным провалом. И тогда Баранников нанял отморожков, чтобы с ней расправиться... Видишь сам, Крохин, твой карточный долг тут совершенно ни при чём.

Киллер вскочил, хрипло выругался и выкрикнул:

- Я кое-что вспомнил! Твоя газетчица — умная тётка...
- Лиза совсем ещё молоденькая, почти ребёнок...
- Вот как? Тогда она вундеркинд! Она почти угадала.

С продажей коллекции — в самую точку, — лицо Виктора Крохина преобразилось до неузнаваемости. Он вдруг перестал походить на зомби, глаза и губы ожили, выражая попеременно боль, гнев, страдание, ненависть... — Рада мне говорила, что отдала свою часть картин бывшему партнёру Баранникову. Тот якобы отыскал покупателя — страстного поклонника Брейгеля и Босха, какого-то француза, готового выложить сумасшедшие деньги, но только за полный комплект. Баранников выплатил ей некоторую сумму авансом, но с окончательной расплатой всё тянул и тянул... Теперь всё ясно! Вот почему ему живая Рада мешала! Это он во всём виноват — и он за всё ответит!

Если бы Григорий Баранников каким-то чудом здесь очутился, он был бы немедленно растоптан — с яростью носорога Крохин бросился к дверям. Но Феликс остановил его ударом в грудь:

- Стоять!

От неожиданности Виктор повалился навзничь на постель. Сел, встряхнулся и ошалело спросил:

- Что это было?

— Приход в себя. Давай без истерик, Виктор. Будь уверен, Баранников очень скоро за всё ответит. Как и его подельники. Вот тебе сигарета. Даю последний шанс. Не будешь отвечать на мои вопросы — зову копов. Всё.

Крохин протяжно вдохнул, глубоко затянулся и вдруг выдал:

— Ты же уверял, что всё про меня знаешь. Говори сам, я поправлю.

— Однако! Ну ладно. «Серые полковники» дали тебе оружие и возможность разделаться с Радиными мучителями. Ты убил всех троих...

- И не жалел об этом ни минуты...

— Но тебя на этом подловили. Отпечатки пальцев, свидетели... За отмазку заставили на них работать...

— Не совсем так. Это выглядело как разовое одолжение — первый заказ. Я ненавидел весь мир и себя самого. Я бы сделал это и бесплатно, но они мне заплатили. А вскоре помогли уехать

в Штаты и устроиться на курсы массажистов. Потом посодествовали с грин-картой и жильём...

— А, кстати, из салона Полины Мэрсон ты не уволился. Не боишься, что она станет тебя разыскивать?

— Она получит моё заявление по почте, — его узкие губы вдруг сложились в змеиную улыбку. — Мои «клиенты» — те, кого мне заказывали, — сбежали в Штаты и думали, что никто их уже не достанет. Таких легче прихлопнуть, чем муху...

— Каким образом с тобой связывались?

— Мне присылали по почте шифр от ячейки в камере хранения автобусного терминала Port Authority и ключ. Там находились инструкции, фотографии, информация. Ну и, разумеется, аванс.

— И много ты выполнил заказов?

— Немало. На «Большой шлем» набежало...

— Ах так... Больше тринадцати. Остался единственный вопрос: кто и когда вручил тебе «Мотороллу» с ледяными пулями?

Киллер ответил не без гордости:

— Я подписал неразглашение.

— Проект «ИЗОЛЬДА» — это уже секрет Полишинеля. Ты не первый и не последний киллер, которого использует контрразведка, а после убирает...

— Они нуждаются во мне, и это я их использую, чтобы разделаться со всеми «полковниками». А что потом — плевать, — высокомерно вскинул подбородок Крохин. — Ладно, вот тебе ответ про «Мотороллу». Это случилось в 97-м. Тогда я получил новый заказ. Как обычно, открываю багажную ячейку, достаю из пакета фотографию и вдруг вижу: «объект» — мой старый знакомый, коллега и даже, можно сказать, хороший друг. Олег Барсуков, по прозвищу Барсик. Мы в Латвии вместе работали в одной строительной фирме. Он был великий инженер-изобретатель. Наша компания производила придуманные им новые строительные материалы — водопорные покрытия для постройки бассейнов, крыш, мостов и прочего. Он был настоящий гений, сделал великое множество открытий в разных областях: и в медицине, и в квантовой механике, и в органической химии. Когда Олег покинул фирму, она скоро прекратила своё существование. Так вот, увидев его фото, я сразу подумал: «Доизобретался наш гений»... В конверте я нашёл авиабилет на рейс по маршруту Бостон — Юго-Западная Африка, Ланго-Ланга.

Там я Барсика и должен был отыскать. Мы встретились. В Ланго-Ланга он проживал нелегально, под чужим именем... — Крохин взглянул на Феликса, проверяя, насколько того проняла его сенсация. Убедившись, что сыщик остался невозмутим, с некоторым разочарованием проговорил: — Скажешь, всё это для тебя не новость?

— Уже нет. Давай дальше.

— У Барсика оказался покровитель из контрразведки, полковник Никита Астратъев. Я тогда почему-то рассчитывал, что он остановит мои «подвиги», но попал из огня да в полымя. Короче, может, кому-то в этой жизни и даётся что-то даром, а мне за всё приходилось платить.

Астратъев взялся представить моим заказчикам доказательства того, что я убрал Барсика. За это я должен был выполнять его «спецзадания». Первое из них — устранить некоего Юлия Блажевича. Их партнёра. Тогда Астратъев и вручил мне ледяную пушку. А недавно заставил вернуть, — Крохин извлёк пачку сигарет из кармана, снова закурил и вдруг каким-то обречённым голосом произнёс: — Не могу опомниться... Рада погибла... не по моей вине... Ты... вернул мне... себя самого... И хотя эта встреча не из приятных, всё равно я тебе обязан. Мне самому необходимо было высказаться. Всё равно, кому... Кто только согласен слушать. Я готов поставить свою подпись под признанием...

...Откровения киллера сыпались, как горох из драного мешка. Всю ночь до утра. Он наговорил на пяток пожизненных сроков, и уже в третий раз возвращался по кругу. А копы не спешили его брать. Может, Феликс нафантазировал, и они вовсе не скрывались в джипе с логотипом «Сору сор»? Или у них сломалась их хваленая аппаратура? Или среди них не было того, кто бы понимал по-русски? Или они вообще сошли с ума...

Феликс чувствовал, что сейчас сорвётся. Он готов был придушить киллера — так тот ему надоел. Хотелось спать, хотелось пить, есть, хотелось домой, к Норе. Мало ли чего хотелось...

— Я схожу в туалет, ладно? — вдруг конфузливо проговорил киллер.

Феликс пожал плечами и поднялся, а Крохин с кротким видом потопал из номера по коридору. Может, он и не замышлял ничего по дороге, но Феликс внимательно следил за ним, не за-

бывая, что имеет дело с игроком. А игрок никогда не упустит шанса отыграться...

Запустив Виктора в душевую-туалет, он остался сторожить снаружи. Прошла минута, другая. Крохин не появлялся. Ожидание превысило уже все лимиты. Внезапно раздался душераздирающий вопль:

— А-а-а! На помощь! Хелп!

Дверь душевой открывалась внутрь, и Феликс толкнул её ногой. Увидев, что свет погашен, тут же отпрянул, но всё же успел получить по голове.

...Вспышка света, острая боль, темнота... Его привёл в чувство незнакомый голос — испуганный, участливый:

— Could I help you? — над ним склонился какой-то юноша.

Феликс отделился от пола и, пошатываясь, принял вертикальное положение.

— Куда он побежал? — спросил он по-английски.

— Я никого не видел. А что случилось?

— Звони в полицию! — скомандовал парню Феликс, а сам стремглав бросился к лифту.

За то время, что он спускался вниз, холл отеля успел наполниться толпой: по вестибюлю сновали пожарные в касках, санитары в медицинской амуниции, целый отряд фараонов. Наконец-то «копировальный аппарат» выполнил свою функцию...

Один из вооружённых полицейских, заметив Феликса, поспешил к нему с расспросами.

— Следуй за мной! — сказал детектив, направляясь в сторону автоматической камеры хранения и дальше — до самого глухого угла с автоматом для изготовления льда.

Не найдя там Крохина, двинулся к чёрному выходу — в бэйсмент, заглянул в тренажёрный зал, затем в прачечную и, никого там не обнаружив, встретился с полицейским в подвальной камере хранения.

У открытой ячейки, спиной к ним, стояла высокая полная женщина и с кем-то разговаривала... Полицейский наставил на неё ствол, приказав не двигаться, и вызвал по мобильнику своих коллег. Они обыскали женщину, её вещи, напугав бедняжку до полусмерти. Обескураженный полицейский никак не мог взять в толк, куда подевался её собеседник. Придя в себя, та объяснила:

— Самая лучшая беседа — это беседа с самим собой, — и добавила, внезапно вспомнив, что живёт в свободной стране: — Это же не запрещено законом, правда, — разговаривать с собой?

Проведя несколько часов в полицейском участке, а затем в отделении Интерпола, Феликс вернулся в отель «Скоттленд-плаза» уже во второй половине дня. Войдя в душный номер, он сразу почувствовал: в комнате он не один.

Виктор Крохин стоял около умывальника, глядя на него своими почти немигающими глазами и ухмыляясь как ни в чём не бывало. В руках он держал большую чайную кружку.

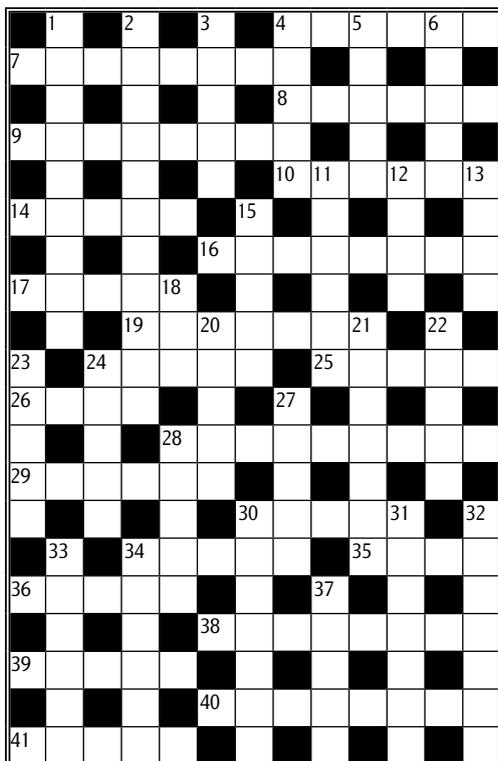
Феликс резко присел, догадавшись, что сейчас должно произойти, и тут же кружка полетела в его голову, но попала в дверцу шкафа, разбившись на кусочки. Поняв, что промазал, Крохин отчаянно метнулся к двери. Утренняя беготня повторилась один к одному и с тем же результатом.

Вызвав по мобильнику полицию, Феликс продолжал преследовать киллера: ему то и дело мерещилась шапка серебряных волос. Как же он его упустил?! Это невозможно, просто невозможно!

Он тщетно искал киллера среди прихожан под высокими сводами епископального собора Святой Девы Марии, в поганом супермаркете, в тесном кафе «Green Mama», в обжираловке-пиццерии на углу Бродвея и 47-й стрит. Потревожил уют итальянского кафе «старинного образца», где кофе варили на газе и подавали в чашках, вместе с копами грубо вторгнулся в красочную бродвейскую круговерть, продирался сквозь праздную толпу, ещё более плотную, чем обычно. То и дело пугая кого-то криком «Стоять!», стремился не пропустить ни одного торгового, питейного или культурного заведения, куда мог бы затесаться беглец. Требовал, чтобы полиция проверила записи камер наблюдения громадного торгового центра и ресторана «Планета Голливуд». Не доверяя своим глазам, ощупывал каждый экспонат Музея восковых фигур, не утихомирился, пока не заставил фараонов выяснить личность, скрытую под маской Микки-Мауса в здешнем «Макдоналдсе».

Всё было напрасно. Наконец они добрались до Таймс-Сквер. Рядом с чугунной фигурой Янки Дудл с голубем на плече высился деревянный помост, накрытый брезентом и украшенный звёздно-полосатым флагом. Феликс прочёл надпись: «Запись добровольцев в армию США» и угрюмо резюмировал:

— Пендык. Dead end. ☐

По горизонтали: **4.** Воздействие изысканно нарядной ёлки на гостей. **7.** Клоун или иной зательник, нанимаемый для детей в новогодние дни. **8.** Европейская столица, где в 1878 году поставили самую большую ёлку высотой почти 37 метров. **9.** Процесс, происходящий с днями к концу года. **10.** Смех на лошадиный манер. **14.** Небесный красавец на русских рождественских открытках. **16.** Русская поэтесса, написавшая в 1922 году два стихотворения, посвящённых мужу, с названием «Новогодняя». **17.** Подарок, который женщины предпочитают даже под Новый год. **19.** Живой танк Африки, способный, как игрушка, повиснуть на ёлке. **24.** Советский живописец, мастер портретов. **25.** Боярское горячительное, которое Анна Иоанновна повелела отпустить шуту Балакиреву как рождественский подарок. **26.** Кусок мяса без костей, запекают для гостей. **28.** Идентичность. **29.** Популярный советский эстрадный актёр, не раз выступавший в новогодних «Огоньках». **30.** Порода собак, одна из лучших для снежных гонок. **34.** Кавказский или крымский плод. **35.** Наряд ёлки в лесу. **36.** Женское имя.

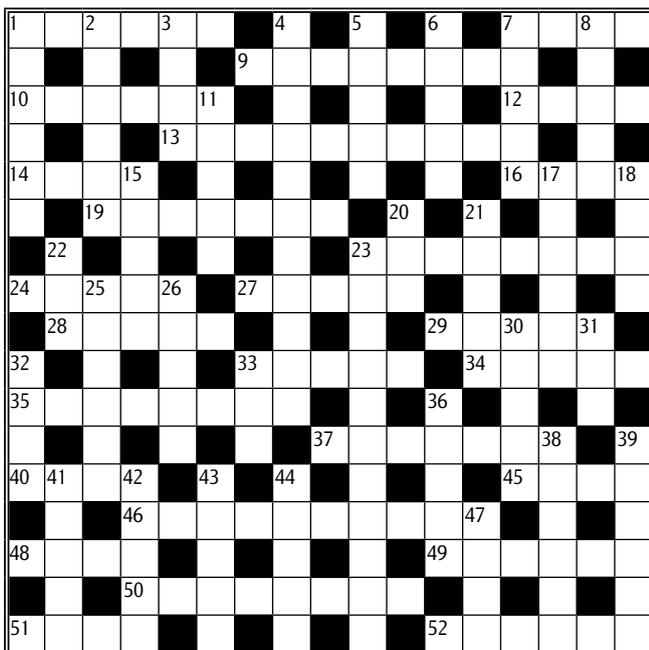
38. Преувеличенная похвала. 39. Тара для подарков у Деда Мороза. 40. Американский фермер XVII–XIX веков. 41. Подходящая погода для Снегурочки.

По вертикали: 1. Самоцвет, спрятанный у Конан Дойла в зобу рождественского гуся. 2. Игра в фанты или хоровод у ёлки. 3. Предварительное объявление о концерте. 4. Пирожное, не лишнее на новогоднем столе. 5. Жительница северной страны, где в канун Нового года поднимают бокал с молоком. 6. Торговая точка, где продают новогодние открытки. 11. Советский писатель, автор популярных детских книг. 12. Исполнитель литературных произведений на концертах. 13. Обычное зелье у встречающих Новый год по восточному календарю. 15. «Лошадина» фамилия. 18. Партизанское взрывчатое вещество. 20. Один из семи греческих мудрецов. 21. Игра с убегающим и ловлей. 22. Жители самой холодной республики России. 23. Поверхность шара, ёлочного тоже. 24. Длинный подол бального платья. 27. Сосуд под шампанское. 28. Итальянское дерево, дальний родственник ели. 30. Учительница физики – физичка, учительница химии – ... 31. Испанская принцесса. 32. Кусок льда в Мировом океане. 33. Отсвет дальнего фейерверка. 34. Традиционная одежда японки. 37. Любитель бешеной езды.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 12

По горизонтали: 1. Дягилев. 8. Ревность. 9. Шаланда. 10. Чванство. 15. Пава. 17. Еон. 18. Шарлатан. 21. Истопник. 23. Узник. 24. Ягода. 25. Юр. 26. Ампер. 27. Ламаист. 30. Аи. 32. Йод. 34. Чети. 36. Паркинсон. 37. Веко. 38. Крэг. 40. Харита. 42. Ухо. 44. Рид. 46. Филдинг. 48. Завота. 50. Индиго. 51. Угол. 52. Ласи. 54. Ре. 55. Мораль. 56. Эллинг. 58. Щур. 59. Ока. 60. Навага.

По вертикали: 1. Душеприказчик. 2. Головоотяпство. 3. Лень. 4. Врач. 5. Овца. 6. Мопс. 7. Чтиво. 11. Волк. 12. натуралистка. 13. Теннисист. 14. Оникс. 16. Санд. 18. Шпора. 19. Риал. 20. Аз. 22. Оге. 25. Юм. 28. Аврора. 29. Тоо. 31. Ипохондрик. 33. Дно. 35. Иегудиил. 39. Руина. 41. Цитолог. 43. Хин. 44. Рога. 45. Даль. 47. Гиена. 48. Зоман. 49. Бурав. 52. Лещ. 53. Сэр. 57. Ло.

- По горизонтали:** 1. Олицетворение весны в классическом изобразительном искусстве. 7. Самый «несносный» из французских импрессионистов. 9. Прибыльное занятие. 10. Азиатская весовая единица. 12. Клан по-кавказски. 13. Свойство характера, подчас заставляющее лезть по карьерной лестнице на четвереньках. 14. Цветок, гирлянды из которого носили цари Кипра. 16. Пьеса К. Гольдони, впервые показанная на русской сцене в 1796 году. 19. Вооружённая организация в Австрии, с 1930 года ставшая фашистской. 23. Попасть в ... 24. Приверженец религиозно-мистического течения в иудаизме. 27. «Человек, достаточно сложный, чтобы восхищаться хорошей картиной, но недостаточно простой, чтобы ее любить» (Г. Честертон). 28. Фантастический скакун, на котором Мухаммад вознёсся на небо. 29. Механизм, разрезающий торф на кирпичи. 33. Строительный материал, который из области Анжу завозили в Париж. 34. Слабовольный герой в повести И. Тургенева «Вешние воды». 35. Руководитель Данте в «Божественной комедии». 37. Знаменитый древнегреческий художник. 40. Дорога, которая, по Б. Паскалю, и сама движется, и нас несёт куда надо. 45. «Орган, посредством которого мы думаем, будто мы думаем» (А. Бирс). 46. Бухта у берегов Таити, где капитан Кларк похоронил тело Кука. 48. Великий бразильский футболист. 49. Аквариумная рыбка. 50. Птица, чьё гнездо, по мнению Витрувия, стало прообразом человеческого жилья. 51. «Крик сияния» (К. Кедров). 52. Полный упадок, разложение.

По вертикали: 1. Английский философ и любовница В. Маяковского. 2. Восьмигласник в православной церкви. 3. Ремесленник, которого бог, по польской легенде, превратил в паука. 4. Русский писатель, автор романа «Бедные люди». 5. Полезное ископаемое, топливо. 6. Алеманы. 7. Птица, произошедшая, как верили в народе, от плотника. 8. Героиня романа А. Дюма «Граф Монте-Кристо». 11. Знак нотного письма в средневековой Европе. 15. Смотреть, как ... (сладо страстно). 17. Верхушка буддийского и ламаистского храма в форме цилиндра с изображением языков пламени. 18. Знак княжеского благоволения, прообраз медали. 20. Русский поэт. 21. Кожаный пояс украинских чумаков и лесорубов. 22. Каждый мамлюк в начале пути. 23. Фамилия гоголевского Ивана Ивановича. 25. «Умная печаль» (В. Хлебников). 26. Родина Б. Торвальдсена. 30. Среднеазиатская трава, образующая перекати-поле. 31. Порядок, правило композиции, синоним красоты в древнерусском искусстве. 32. Дерево, на котором сидят два голубя, участвующие в сотворении мира. 33. И нечистый дух, и лазутчик, и разбойник в старину. 36. Автономный ... 38. Музыкальное название картин М. Чюрлениса. 39. «Вата в ушах от людского стога» (Г. Сенкевич). 41. Противоречия с церковными догмами. 42. Вожак стаи, приютившей Маугли. 43. Художник из Гродно, которым в 1909 году «Париж был пьян». 44. Затылочная часть русской кики. 47. Нимфа бриза в античной мифологии.

Ответы на эрудит, напечатанный в № 12

По горизонтали: 1. Зина. 5. Стивенсон. 11. Гера. 12. Раджа. 13. Лицензиат. 14. Левшин. 15. ... удаль ... 17. Цехин. 20. Мавр. 21. Души ... 22. Тиара. 26. Намет. 27. Юргенсон. 28. Фазма. 31. Араго. 34. Лиознова. 35. Корде. 36. Ефрем. 39. Унты. 40. Гнев. 41. Скотт. 45. Дерен. 47. Болото. 48. Жаворонок. 49. Катет. 50. Атаи. 51. ... прибежище ... 52. Яита.

По вертикали: 2. «Индиана». 3. Агальма. 4. Правочерность. 6. Тмин. 7. Веер. 8. Ницше. 9. Окапи. 10. Эрфурт. 13. Лис. 16. Чувственность. 17. Цинна. 18. Хамса. 19. Нутро. 23. Ива. 24. Рем. 25. Хенна. 28. Фигус. 29. Зерно. 30. Алеут. 32. Риф. 33. «Где». 36. Евдокия. 37. Раритет. 38. Минута. 42. Квадр. 43. Тромб. 44. Шок. 46. Морж. 47. Борщ.

Уважаемые читатели!

Оформить подписку на «Литературно-художественное приложение журнала «Смена» вы можете в редакции с получением по почте.

Заполните купон и оплате квитанцию в любом отделении Сбербанка, вышлите копию купона и оплаченной квитанции по адресу:

127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1,

или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту: sales@smena-online.ru

Подписка с учетом доставки на 1 месяц стоит 60 руб., на 3 месяца – 180 руб., на 6 месяцев – 360 руб.

КУПОН

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		3010181060000000119
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044583119 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
		Вид платежа	Дата
	Подписка на журнал «Литературно-художественное приложение журнала «Смена»		
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		3010181060000000119
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044583119 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
		Вид платежа	Дата
	Подписка на журнал «Литературно-художественное приложение журнала «Смена»		
Кассир	Подпись плательщика		

А также вы можете подписаться на журнал «Смена» и «Литературно-художественное приложение журнала «Смена» в любом отделении почтовой связи.

<p>КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»</p>		<p>Индекс 84630 — подписка на «Литературно-художественное приложение журнала «Смена»</p> <p>Индекс 70820 — подписка на журнал «Смена»</p> <p>Индекс 33233 — подписка на комплект журнал «Смена» + «Литературно-художественное приложение журнала «Смена»</p> <p>Льготный индекс 33234 (для постоянных подписчиков) — подписка на комплект журнал «Смена» + «Литературно-художественное приложение журнала «Смена»</p>
<p>КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»</p>		<p>Индекс 16746 — подписка на «Литературно-художественное приложение журнала «Смена»</p> <p>Индекс 99406 — подписка на журнал «Смена»</p> <p>Индекс 11602 — подписка на комплект журнал «Смена» + «Литературно-художественное приложение журнала «Смена»</p> <p>Льготный индекс 11578 (для подписавшихся в 2010 году) — подписка на комплект журнал «Смена» + «Литературно-художественное приложение журнала «Смена»</p>
<p>ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»</p>		<p>Индекс 87805 — подписка на «Литературно-художественное приложение журнала «Смена»</p> <p>Индекс 88998 — подписка на журнал «Смена»</p>

« - Ты знаешь, что такое пиар?
— Слышал чегой-то.
— Я певица. Певица Мишель. Слышал?
— Пока нет. А ты стой.
— Это тебе будет дорого стоить. Давай лучше перейдём к делу. Я тебя, Синичкин, хочу нанять для расследования чисто конкретного преступления. Мою квартиру в Лучниковом переулке обокрали. Забрали ценности. Золото-бриллианты. Пару шуб. Дорогую аппаратуру...»
Анна и Сергей Литвиновы «Королева пиара»

« Через несколько минут голова грешной красавицы скатилась с плахи на помост. Пётр поднял её и показал толпе. Потом пошёл ещё дальше: поцеловал голову прямо в губы, подчёркивая, что по-прежнему восхищается красотой своей давней любимицы. Закончив свою маленькую импровизированную лекцию об анатомии, Пётр вторично поцеловал мёртвую голову, затем бросил её на землю, перекрестился и уехал с места казни...»
Светлана Бестужева-Лада «Девка Гамильтон»

« Их любовь продолжалась три года. «Три года, проведённые с ним, были сплошной яростной и любовной борьбой. Никогда до сих пор я не испытывала столько безумств, столько адских мук, столько райских наслаждений», — писала многие годы спустя Альма». *Ирина Опимах «Та, что обручена с ветром...»*